

Тараксандра

Талисман Цезаря

Тараксандра Талисман Цезаря

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42647125

ISBN 9785449686947

Аннотация

Нет, не погиб Цезарь, сраженный кинжалами заговорщиков! Древнеримский историк Аппиан рассказывал, что в разгар похоронного действия над площадью зазвучал голос Цезаря: «Неужто я спас вас лишь затем, чтобы вы погубили меня?» А потом Гай Юлий Цезарь поднялся с погребального ложа и вознесся над пораженной толпой... Это миф, мистификация, или Цезарь вновь одержал верх, победив даже саму смерть? И в чем секрет успеха Цезаря? На эти и другие вопросы вы найдете ответы в новом романе Тараксандры.

Содержание

ГЛАВА 1. МИФ ИЛИ НЕ МИФ?	5
ГЛАВА 2. ВЫБОР СУДЬБЫ	7
ГЛАВА 3. ОБМАНУТЫЕ НАДЕЖДЫ	21
ГЛАВА 4. КОРНЕЛИЯ И ВЕСТАЛКА	41
ГЛАВА 5. КОРНЕЛИЯ	47
ГЛАВА 6. СВАДЬБА ЮЛИЯ И КОРНЕЛИИ	57
ГЛАВА 7. АРЕСТ	64
ГЛАВА 8. ВЕСТАЛКИ	72
ГЛАВА 9. СЛУЖБА В ВИФИНИИ	84
ГЛАВА 10. ПРЕДСКАЗАНИЕ КОССУЦИИ	91
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Талисман Цезаря

Тараксандра

© Тараксандра, 2019

ISBN 978-5-4496-8694-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1. МИФ ИЛИ НЕ МИФ?

Похороны Цезаря. Толпа рыдала и бесновалась. В погребальный костер в экстазе бросали золотые украшения и драгоценности. Марк Антоний выступил с пламенной речью, прославляя великого полководца и проклиная его убийц. Когда накал страстей достиг высшей точки, над площадью зазвучал голос Цезаря:

– Неужто я спас вас лишь затем, чтобы вы погубили меня?

Люди замерли в благоговейном ужасе и почтении. И вдруг в безмолвной тишине Гай Юлий Цезарь поднялся с погребального ложа и вознесся над безмолвствующей пораженной толпой...

Описание этих событий оставил нам древнеримский историк Аппиан, породив на долгие века множество вопросов. Что это: гениальная мистификация Марка Антония, организатора похорон Цезаря; миф, порожденный уважением к личности великого правителя; или Гай Юлий Цезарь вновь победил своих врагов, обойдя даже самую смерть? История могла бы так и остаться без ответов, если бы однажды...

Во время реставрации древнего храма Весты в Риме, в самом отдаленном уголке святилища, покрытый пылью веков, был обнаружен ящичек с вполне хорошо сохранившимися манускриптами. Тексты, содержащиеся в этих документах, перевернули сознание, заставив взглянуть по—новому

на всем известные события, а именно жизнь и смерть знаменитого полководца Гая Юлия Цезаря. Этот рассказ написан женщиной, верховной жрицей храма Весты. Вот, что сообщала служительница богини, жившая более двух тысячелетий назад.

«Аманта Гортензия, верховная жрица Весты, – тем, кого великая богиня удостоит быть посвященными в свои сокровенные тайны.

Не плачьте, люди, и не скорбите: ваш герой и кумир не умер. Для тех, чьи деяния сравнимы лишь с деяниями богов, нет смерти. Славная жизнь и славный конец был уготован человеку, поднявшемуся к самым высотам Олимпа. Я говорю про благородного Гая Юлия Цезаря, слава которого переживет века веков. Разве может такого человека сразить предательский меч? Оружие врагов обернулось против них самих, но доблестный герой выжил, боги не послали ему печального конца. Я расскажу вам всю правду об удивительной жизни удивительного человека».

ГЛАВА 2. ВЫБОР СУДЬБЫ

Изящный мальчик лет 13-ти стоял перед огромной статуей в храме Юпитера. Юноша, словно зачарованный, не отрываясь, глядел на величественную фигуру царя богов и людей и тихо шептал:

– Подожди еще немного, грозный бог. Очень скоро мы будем вместе. Я не расстанусь с тобой до конца моих дней. Вся моя жизнь и помыслы – лишь тебе, творец неба и земли. Я клянусь служить словом и делом. Каждый миг моей жизни я посвящу твоему светлому имени.

В храме было тихо, на цыпочках мальчик подошел к статуе и осторожно тонкой рукой погладил позолоченные складки тяжелого мраморного одеяния Юпитера. Паренек поднял голову, где-то в вышине, на недостижимой для человека высоте, находился лик божества. Мальчик сделал несколько шагов назад и оказался в центре зала. Он вновь поднял голову, теперь его взгляд встретился с глазами бога. Мальчику показалось, что Юпитер смотрит на него с нежностью и вместе с тем – с жалостью. Юноша порывисто подбежал к постаменту божества и, встав на колени, уткнулся головой в каменные складки. Мальчик не ощущал холода камня. Из его глаз текли слезы.

– Не моя воля, но воля моих родителей не позволяет мне воссоединиться с тобой, великий бог, – прошептал он. Маль-

чик сжал кулаки. – Но я все равно стану твоим жрецом. Я откажусь от родных. Ты заменишь мне семью и друзей. Уже сегодня мы будем вместе. Подожди чуть-чуть. Я лишь сбегаю домой и возьму мои рукописи: там стихи, посвященные тебе, повелитель людей и бессмертных. Я сейчас, я мигом.

Мальчуган резко встал, вытер мокрое от слез лицо и стремительно бросился к выходу. Он уже был на пороге храма, когда невольно опять обернулся. Белый мрамор скульптуры, освещенный утренним солнцем, лившимся в многочисленные окна, казалось, сам излучал сияние. Внезапно юноше почудилось, что бог отдалился от него, и свет, отраженный статуей, идет из необозримой дали. Гигантская скульптура и бронзовый орел, спутник бога богов, сделались такими маленькими, будто мальчик смотрел на них с другого конца Тибра, а не стоял всего лишь в нескольких шагах от них. Юноша тряхнул головой, отгоняя странное видение, и больше не оборачиваясь, выбежал из святилища.

Путь молодого человека лежал в квартал Субура, один из самых богатых районов Рима. Именно здесь проживала его семья. Когда-то, очень давно, род Юлиев был знатен и богат, с течением времени их богатство растворилось, а значимость в общественной и политической жизни утратилась. Поэтому каждому новому поколению славных Юлиев было все сложнее и сложнее продолжать тот образ жизни, какой надлежало вести представителям их класса. Родители юного Юлия Цезаря погрязли в долгах, рабы, видя несостоятель-

ность хозяев, потихоньку разбегались, и матери, благородной Аврелии, очень часто приходилось самой ходить на базар за продуктами и готовить еду. Желание мальчика стать жрецом семья не отвергала, но и не приветствовала. В тот день, когда Юлий решил уйти, чтобы посвятить себя служению богу, как назло, и мать и отец оказались дома. Юноше не удалось незаметно прошмыгнуть в свои комнаты.

– Ну, наконец-то, ты вернулся, – строго проговорил отец. – Надень самую красивую одежду и приходи в столовый зал. Сегодня мы ждем очень важных гостей.

– Нет, отец, – сказал юноша, смело глядя в лицо Юлию-старшему, – я не смогу присутствовать на вашем празднестве. И не только на этом, но и на любом другом, которое будет в этом доме. Я уйду туда, куда зовет меня сердце, в храм великого Юпитера. И домой я вернулся, чтобы забрать некоторые мои личные вещи. Не волнуйся, отец, это не одежда и не драгоценности. Я пришел за моими стихами, я написал их специально для Юпитера, они должны принадлежать лишь ему.

– Дерзкий мальчишка, – возвысил голос Юлий Цезарь-старший, – разве я давал позволение и согласие на твой уход в храм?

– Я не нуждаюсь ни в чьих позволениях или запретах, – четко проговорил юноша, его красивое лицо побледнело, а в глазах горела недетская решимость. – Я слушаю лишь свое сердце, оно – мой судья и арбитр, и оно зовет меня

к Юпитеру. И ни ты, мой отец, ни моя мать, ни даже все боги Олимпа, не заставят меня отступить от задуманного. Я хочу посвятить свою жизнь владыке богов, и я не изменю своего решения. Только мне распорядиться моей собственной судьбой и моим будущим.

– Негодный щенок! – воскликнул Юлий Цезарь – старший. – Я запрю тебя в чулане, но сначала я прикажу рабам отхлестать тебя ремнями!

– Если ты так поступишь со мной, отец, – прошептал мальчик, его лицо совсем побелело, а глаза горели яростным блеском, – я все равно убегу в храм, но без твоего имени. Я откажусь от нашего рода и семьи. Пусть меня зовут, как угодно, но только не Гай Юлий Цезарь из благородного рода Юлиев.

– Паршивец! – отец угрожающе шагнул к сыну

Мальчик даже не сдвинулся с места, он по-прежнему прямо и дерзко смотрел на Юлия- старшего.

В это время на крик мужа прибежала мать, благородная Аврелия.

– В чем дело? – спросила она. – Вы кричите, словно торговцы на базаре. Какой пример вы подаете рабам!

– Этот звереныш вывел меня из терпения, – сказал Юлий-старший, – объясняйся с ним сама.

– Чем ты так разозлил отца, сынок? – ласково спросила женщина.

– Я сказал о своем желании служить Юпитеру, и ты, мама,

и ты, отец, вы давно знали о моих намерениях.

– Конечно, Юлий, – улыбнулась Аврелия, – нам это хорошо известно. И почему же ты тогда кричишь на ребенка? – сурово проговорила она, повернувшись к супругу. – Разве эта новость для тебя, мой бесценный муж, что наш сын хочет стать жрецом?

– Однако он собрался стать жрецом немедленно, уже сегодня! – вскипел Юлий-старший. – И даже задумал бежать из дома.

– Это правда, сынок? – охнула мать.

– Да, – кивнул Юлий, – я не могу больше идти наперекор моему сердцу.

– Но ты принял очень серьезное решение, – проговорила Аврелия. – Такие замыслы не совершаются необдуманно.

– Я уже все обдумал, – упрямо сказал Юлий.

– И все же, мой мальчик, нам следует все обсудить, – с нежностью проворковала Аврелия. – Пойдем в обеденный зал, я распоряджусь, чтобы подали фрукты и печенье. За трапезой мы спокойно обо всем поговорим.

– Мне не о чем говорить, – еще сопротивлялся Юлий чарам матери.

– Но пообедать с нами ведь ты не откажешься? – улыбнулась Аврелия. – Пусть это будет вроде прощальной трапезы. В конце концов, это твой долг перед семьей. А потом я сама провожу тебя в храм.

Юлий-старший с недоумением посмотрел на супругу,

но женщина, ласково улыбнувшись мужу, незаметно пожала ему руку.

Отец, мать и Юлий прошли в обеденный зал, здесь они расположились на пиршественных ложах. Рабы принесли блюда с фруктами и сладким печеньем, а также кувшин с вином.

– И ты знаешь, на что обрекаешь себя, сынок, избрав путь жречества? – спросила Аврелия, неторопливо отпивая глоток вина.

– Да, – сказал юноша, – мне ведомо, что путь служителя бога труден. Но лишь на этом пути я обрету счастье. Я желаю посвятить себя тому, кто стоит выше смертных! Юпитеру – вся моя жизнь и судьба!

– Все это очень хорошо, мой мальчик, – сказала Аврелия, – но не станет ли твоя жизнь печальной? Жрец не может разводиться, даже, если супруга ему прискучит, он не занимается общественной и политической жизнью, не принимает участие в светских праздниках. Тебе придется проводить свои юные дни в молитвах, соблюдать посты и очень часто даже не спать ночами. Нужно ли тебе все это, дружок?

– Земные радости чужды мне. Женщины, еда, сон, развлечения и удовольствия – все это меркнет перед ликом творца вечности.

– Ты еще так мало пожил на свете, сынок, – мягко проговорила Аврелия, ее голос звучал приглушенно, почти магически, – и не успел познать ласки дев, вкус самой изыс-

канной пищи, не упивался властью. Есть ли большее наслаждение в жизни, чем видеть, как рабски простираются перед тобой даже самые знатные мужи и их спесивые жены? Уже одно твое появление, такого благородного и могущественного, повергает их в трепет. Они жаждут твоих милостей, даже один твой благосклонный взгляд рождает в их сердцах надежду, а неблагосклонный – повергает в глубокое отчаяние.

– Где власть, там зависть и пороки, – усмехнулся Юлий. – Кроме того, не сотворил ли божественный Юпитер всех равными? И не об этом ли равенстве вспоминаем мы в праздник либрерий, когда и раб и хозяин, высокопоставленный и низший, сидят за одним столом и вкушают одну пищу?

– Ты слишком умен, мой сын, – с досадой проговорила Аврелия. – Ты мог бы стать выдающимся философом, оратором, ученым. Цари тогда бы искали дружбы с тобой.

– Мне не нужна дружба сильных мира сего! – воскликнул Юлий. – Самый могущественный царь перед ликом Юпитера – лишь жалкий червь.

Аврелия печально вздохнула.

– Что ж, – сказала она, – я вижу, тебе не переубедить. Видно сам Юпитер зажег в твоём сердце свой божественный огонь. Ты волен поступать, как вздумается. Мы с отцом благословляем твое решение.

Юлий – старший, молчавший все это время, открыл рот, собираясь возразить, но женщина лукаво прижала палец к губам. Мальчик не видел этого жеста матери, так как в этот

момент осыпал ее колени поцелуями.

– О, спасибо, мама, – говорил он, – я буду молиться за тебя великому Юпитеру. И за тебя, отец, – обратился он к Юлию – старшему заплаканное лицо.

В это время в зал вбежал раб. Аврелия, опустив голову, хитро улыбнулась.

– Гости желают видеть вас, благословенные владыки! – воскликнул он.

– Ну наконец-то, – засмеялась Аврелия.

– Да, давно пора, – с облегчением вздохнул отец.

Юлий хотел уйти, но мать ласково взяла его за руку.

– Сынок, останься с нами на праздник в честь наших уважаемых гостей, – сказала она. – Если ты сейчас уйдешь, это будет очень невежливо и недостойно такого благородного господина, как ты. Они приехали с дочерью, и девочка может обидеться на твой уход. Этот обед не продлится долго. К вечеру ты уже будешь свободен. Не упрячься, дружок, ведь это твой последний обед в кругу семьи. Завтра ты уже будешь трапезничать среди своих жрецов. Ну же, не отказывай нам в такой милости, – Аврелия потрепала мальчика по темно-каштановым кудрям.

В обеденный зал вступили три человека: пожилой мужчина с тщательно завитой бородой, томная женщина, увешанная без всякой меры тяжелыми грубыми золотыми украшениями, и хрупкая белокурая девочка, приблизительно ровесница Юлия. Мужчины учтиво поклонились друг другу, жен-

щины обнялись.

– Так это и есть твой сын? – манерным голосом проговорила гостя, устремляя любопытный взгляд на Юлия. – Великие боги, он прекраснее Аполлона! – И ты столько лет скрывала от нас это чудо? Подойди же ко мне, светик, – поманила она мальчика.

Юлий подошел к женщине и учтиво поклонился ей.

– Великие боги, как же он воспитан! – воскликнула посетительница. – Наверное, твоим учителем был сам Орфей, повелитель всего изящного и утонченного!

– Увы, нет, – вздохнула Аврелия, – всего лишь египетский философ. И он обошелся нам недешево. Эти мудрецы из Египта очень дорого просят за свою науку.

– Египтянин – это хорошо, жители этой страны славятся своей мудростью. Ты не зря потратила деньги, наняв мальчику учителя из Египта... Нет, какая осанка, какие манеры, – вновь повернулась гостя к Юлию. – Как тебя зовут, золотко?

– Гай Юлий Цезарь, госпожа! – звонко ответил юноша.

– А голос? Слаще кифары! – восхитилась посетительница. – А это наша дочь, Коссущия, – подтолкнула она девочку. – Иди, поиграй с ней, Юлий, а мы пока побеседуем с твоими родителями... Подожди, дай еще немного полюбоваться на тебя. Красавчик! Нет, в твоих жилах и впрямь течет кровь богов.

– Наш род происходит от самой Венеры, – заметил Цезарь – старший.

– Вы родили бога, это точно. – сказала гостья. – Мы с мужем много путешествовали, видели всяких людей, но такой красоты я даже в храмах не встречала. Дай я тебя поцелую, солнышко мое! – женщина крепко прижала и поцеловала мальчика, обдав нестерпимым удушающим запахом духов. – Щечки – персики, прелесть! Ну, иди, дружок, а то я до вечера буду любоваться тобой. Красивые вещи и люди – моя слабость. Коссущия, доченька, – обратилась она к девочке, которая все это время стояла, низко опустив голову, – спой Юлию песенку, знаешь, ту, про птичек, которую я обожаю.

Дети, поклонившись взрослому, вышли в сад. В сердце Юлия творилось что-то странное: Юпитер и еще непознанные ощущения вели яростную борьбу. Юлий чувствовал, что уже никогда не сможет расстаться с этой девочкой. Юноша остановился под высоким раскидистым деревом. Коссущия встала рядом, она так и не посмела взглянуть на своего нового знакомого.

– Как ты прекрасна! – воскликнул Юлий, невольно любясь этой юной гостьей. – Ты нимфа, не правда ли?

– Нет, господин, – покраснела девочка.

Длинные белокурые локоны, мелко завитые, струились по спине, доходя до нежных пяток в золотистых сандалиях. Ее глаза были голубые, словно майское небо, а фигурка – такой тонкой, что казалось, даже самый легкий ветерок переломит девочку, будто тростинку. Что-то неземное, возвышенное, воздушное, было во всем облике Коссущии. Отсту-

пив на шаг, Юлий проговорил:

– Боги дали мне милость, нимфу речную явив.

– Как красиво, – прошептала Коссущия. – Кто сложил эти дивные стихи?

– Я, – сказал Юлий, – твой божественный облик породил в моем сердце эти строки. Ты подобна Прозерпине.

Девочка подняла голову. Она была взволнованна и напугана.

– Что ты, что ты! – воскликнула Коссущия. – Можно ли меня, смертную, сравнивать с великой богиней?

– Можно, потому что – это правда! – твердо проговорил Юлий. — Я скоро уйду отсюда, но сохраню в своем сердце твой несравненный образ.

– Ты должен уехать? – снова испугалась девочка. – Тебя зовут дела?

– Да, я иду служить в храм. Я буду жрецом Юпитера.

– Я тоже собираюсь стать жрицей, – улыбнулась Коссущия, ее личико порозовело, но не от смущения, а от радости. – Я хочу служить Весте.

Теперь напугался Юлий.

– Весте? – ужаснулся он. – Но тогда ты не сможешь выйти замуж. Весте служат лишь девы.

– Ну и что, – улыбнулась Коссущия, – зато я буду с моей богиней. А что может быть лучше?

– Да, служить своему богу – высшее счастье, – кивнул Юлий. – И все же, я не хотел бы разлучаться с тобой. Бла-

годатный Юпитер, к счастью, позволяет своим жрецам вступать в брак. Скажи, ты хотела бы стать моей женой? – мальчик взял девочку за руку, рука Юлия дрожала.

– Я не знаю, – тихо проговорила Коссуция. – Ты мне очень понравился, моя мама права, ты – настоящий бог. Но одобряют ли наш брак родители, мои и твои?

– Меня не интересует мнение родителей, ни моих, ни твоих! – запальчиво воскликнул Юлий. – Для меня есть только мое сердце, а оно умирает от любви. Не разбивай же его своим отказом! Веста – покровительница домашнего очага, покровительница супружества, и став женой, ты приобщишься к своей богине, ничуть не меньше, чем служа ей в храме.

– Как все замечательно получается, – улыбнулась девочка. – Только бы родители не были против.

– Они не будут против. А, впрочем, может и будут. Мне все равно. Главное, что ты согласна, любовь моя.

Больше дети ничего не говорили друг другу. До вечера простояли они под этим деревом, держась за руки, думая одними мыслями, ощущая мир общим единым чувством. Рабу, которого послали за ними, пришлось несколько раз окликать влюбленных, прежде чем они вернулись к реальности.

Гости были приглашены остаться на ночь в доме. Перед сном родители Юлия позвали сына в кабинет отца. Юлий – старший и Аврелия торжественно сидели на высоких креслах, юноша встал перед ними. Мальчик понял, что речь пойдет о чем-то важном.

– Сынок, – проговорила Аврелия, юноша заметил, что женщина немного взволнованна и напряжена, – скажи, тебе понравилась наша юная гостья, эта малышка Коссущия? Как ты ее находишь?

– Она нимфа, – серьезно проговорил мальчик. – Коссущия поразила меня в самое сердце. И раз вы сами спросили про нее, я говорю вам, я хочу, чтобы Коссущия стала моей женой!

– Слава богам! – воскликнула мать, она вздохнула с облегчением. – Ты даже не представляешь, как обрадовал нас. Ты знаешь, мы бедны, а семья твоей невесты богата. Они ростовщики. Некоторое время назад, когда отец ходил брать у них деньги взаймы, родители Коссущии предложили оказать покровительство нашему дому, но за это они хотят выдать свою дочь за тебя замуж. У них много золота, но нет благородства в крови, породнившись с нами, они станут патрициями, а мы получим их богатства. Коссущия, несмотря на свое плебейское происхождение, – выгодная партия для тебя, сынок.

– Эта сделка и ваши расчеты меня не интересуют, – величественно поднял руку мальчик. – Для меня есть только Коссущия.

– Ну вот и замечательно! – воскликнул Юлий – старший. – Хоть здесь ты не упрямишься.

– Но это еще не все, – сказала Аврелия, – Стало известно, что в Азию требуется новый правитель. В случае твоего согласия на брак, отец Коссущии даст твоему отцу столько

денег, что он сможет купить себе эту должность. Но для этого ему придется покинуть Рим, а я останусь совсем одна... в огромном доме, наедине с рабами. А в семье нужен мужчина, пусть даже такой молодой, как ты. Отложи свое жречество хотя бы на два года. Отец, заработав много денег, вернется в этот дом, и вы с Коссудией сможете пожениться. Тебе к тому времени исполнится 15 лет, и уже не мальчиком, а зрелым юношей ты вступишь в брак и на путь служения Юпитеру. Потерпи еще два года, сынок. Не бросай меня.

Обняв сына прекрасными холеными руками, Аврелия разрыдалась.

– Хорошо, мама, я не оставляю тебя, – тихо проговорил Юлий, и подняв глаза вверх, мысленно произнес: «Прости, великий Юпитер, но я, кажется, еще действительно не готов для безраздельного служения тебе».

ГЛАВА 3. ОБМАНУТЫЕ НАДЕЖДЫ

Юлию исполнилось 14 лет, он жил в родительском доме. Семья Коссуции часто приезжала к ним в гости, юноша тоже бывал в их роскошном особняке недалеко от Рима. Юлий-старший каждый месяц присылал изрядное количество золота, дела его на посту правителя Азии процветали. Очень скоро семья Юлиев стала одной из богатейших в Италии, но молодой Цезарь не замечал всего этого богатства. Появление в доме дорогих вещей, великолепной одежды, новых рабов не волновали мальчика. Весь мир для него сошелся на хрупкой миниатюрной девочке, малышке Коссуции. И все чаще и чаще Юлий с испугом подмечал, что он думает больше о прекрасной Коссуции, чем о грозном Юпитере. Если раньше, прежде чем лечь спать, Юлий шептал слова гимна богу богов, то теперь, засыпая, он блаженно улыбался, а с его губ слетало лишь одно имя: «Коссуция». Находясь в разлуке с невестой, юноша вспоминал ее образ, ее лазурные глаза, белокурые волосы, тонкие, словно, солнечные лучи, руки. Когда же он оказывался рядом с ней, то буквально умирал от любви. Каждый вздох, мимолетная улыбка, небрежный жест обожаемой Коссуции стали для него выше даже самого приказа Юпитера.

– Я молю богов, чтобы мой отец, как можно быстрее вернулся домой, и тогда мы сразу же поженимся, – говорил Юлий. – Я считаю дни и ночи. Отец написал письмо, что уже этой зимой приедет за нами. Он купил дома в Пизе, Вифинии и где-то еще. Он заберет нас всех: маму, меня и тебя. Мы будем очень счастливы, моя любимая.

Но возвращение Юлия-старшего произошло намного раньше зимы. В кованом саркофаге, залитый смесью из меда и воска, возвратился он в родной Рим. Письмо, которое доставили вместе с гробом рабы, гласило, что с благородным Гаем Юлием Цезарем случился внезапный удар, который и повлек скоропостижную кончину.

Дом Юлиев окрасился в черный цвет. Так как род был знатен, а теперь богат и влиятелен, на похороны пришел весь цвет римской аристократии. Среди присутствующих на церемонии оказался и сам консул Луций Корнелий Цинна. Прекрасная вдова благородного происхождения пленила сердце искушенного политика. Под предлогом покровительства, Цинна стал частым гостем в доме Юлиев. Аврелия, будучи расчетливой женщиной, не отвергала ухаживаний правителя Рима. С его помощью она мыслила попасть в самые высшие, почти божественные, круги власти. Кроме того, Цинна отличался от других претендентов на внимание вдовы привлекательной внешностью. Он был высок, силен, не стар, обладал острым умом и храбрым сердцем. Аврелия растаяла в объятиях этого любимца Юпитера. Юноша

не лез в дела матери. Однако вскоре он стал замечать, что она уже не так радушно принимает родителей Коссуции, а, когда Юлий предложил съездить в гости к его невесте, женщина, сославшись на нездоровье, отказалась.

Одетая в полупрозрачное платье, она томно лежала на ложе. Юлий подошел к матери.

– Мама, что происходит? – спросил он, опускаясь на колени у постели Аврелии. – Почему ты отдалилась от Коссуции, не приглашаешь ее семью и сама не желаешь нанести им визит?

– Я больна, сынок, – кошачьим голосом проговорила Аврелия. – Вдруг моя болезнь перейдет на кого-нибудь из них?

– Но Цинну же ты принимаешь? – удивился Юлий.

– Цинну? – женщина кокетливо засмеялась. – Он в прошлом воин, ему мой насморк не повредит.

– А почему ты меня не отпускаешь в дом Коссуции? Ты все еще считаешь меня ребенком, который заблудится по дороге?

– Именно потому, что я не считаю тебя ребенком, мой бедный мальчик, – Аврелия ласково погладила сына по голове, – я и не отпускаю тебя. Я не хочу оставаться одна. В доме, особенно таком большом, как наш, должен быть мужчина. Семья Коссуции живет за городом, а туда путь не близок. Самое меньшее – сутки мне придется быть наедине с этими ужасными рабами. Нет, они обязательно должны чувство-

вать руку хозяина. А ведь после смерти отца – ты господин всем живущим под этой крышей.

– У тебя есть Цинна. – усмехнулся Юлий. – В мое отсутствие он может защитить тебя.

Женщина сделала вид, что не заметила иронии сына.

– Цинна не хозяин здесь. Он, по безграничной доброте своего сердца, оказывает покровительство нам. Но для наших рабов Цинна – никто. Они, как и собаки, слушаются голоса своего хозяина. Мы обязательно навестим семью Коссуции, но как только я выздоровею. После смерти твоего отца я так одинока.

– И даже с Цинной? – не удержался Юлий.

– Цинна – всего лишь благодетель, – ласково улыбнулась Аврелия. – Единственный же родной человек для меня – это ты, мой сын. – женщина нежно поцеловала мальчика в бархатные щеки. – Почитай мне свои стихи, сынок, они успокоят мое сердце.

После обеда в гости к Аврелии пожаловал Цинна. Однако, на этот раз, он приехал не один, его сопровождала хорошенькая девушка лет 16-ти. Едва роскошные носилки консула остановились во дворе особняка, как его спутница, не дожидаясь пока рабы останутся, проворно спрыгнула на землю. Словно персиянка девушка была закутана в длинное тонкое покрывало. Однако она и не думала прятать свое юное прекрасное личико. Покрывало соскользнуло на плечи, и Юлий увидел, что у незнакомки длинные черные косы. Рабы поста-

вили носилки, и Луций Корнелий Цинна величественно ступил на землю. Юлий из окна своей комнаты наблюдал приезд гостей. Юноша и раньше не испытывал симпатии к любовнику матери, но сегодня, увидев его в обществе этой девушки, Юлий почувствовал ненависть к покровителю Аврелии. Юлий понимал, что появление в доме молодой спутницы Цинны не случайно.

– Кажется, мать задумала очередную интригу, – прошептал Юлий. – Я не разлучусь с тобой, Коссудия, даже под страхом пыток и смерти.

Юлия позвали в гостиную. Он вошел и слегка поклонился посетителям.

– А я сегодня не один, – сказал консул. – Знакомься, дружок, это моя дочь Корнелия. – Корнелия, – обратился он к девушке, – а вот тот самый благородный Гай Юлий Цезарь, потомок Энея, о котором я тебе столько рассказывал.

– Для меня большая честь познакомиться с тобой, наследник Энея и славного Анка Марция, – серьезно проговорила девушка.

Юлий холодно поклонился Корнелии. Девушка улыбнулась Юлию. Цинна делал вид, что ничего не замечает.

– Я привез ее для того, чтобы тебе было с кем поиграть, пока мы беседуем с уважаемой Аврелией, – сказал Цинна.

– Да, сынок, – сказала мать, – проводи нашу дорогую гостью в сад и почитай ей стихи. Можете поиграть в мяч. А мне сейчас надо обсудить некоторые вопросы с господином кон-

сулом.

Юлий и Корнелия вышли в сад. Молодой человек опустился на скамеечку возле фонтана и стал задумчиво смотреть на воду. Корнелия тихо села возле него.

– Почему ты такой грустный? – спросила она.

– А разве тебе не говорили, что у человека в сердце бывают не только радостные мысли? – не очень любезно отозвался Юлий.

– Нет, – засмеялась девушка, резкая фраза несколько ее не смутила. – Меня отец учил, что пока человек жив, он должен всему радоваться и встречать каждый день с улыбкой. Потому что настоящая печаль начнется после смерти. Ведь в загробном мире не светит солнце, не поют птицы, там нет цветов.

– Какая ты странная, Корнелия, – проговорил Юлий, пристально смотря на свою гостью. – Никогда не думал, что у Цинны такая дочь.

– Глупая? Плохая? – опустила голову девушка.

– Нет, наоборот, умная и добрая, – сказал Юлий.

– Это мой отец добрый и умный, хотя про него и говорят очень злые вещи. Его жизнь изменила, и только я знаю, какой он на самом деле. Мой отец был воином, а теперь он занят политикой. Ему пришлось стать таким... Я вижу, у тебя тоже доброе сердце... Не общайся никогда с политиками, – внезапно воскликнула Корнелия, – иначе и ты потеряешь себя настоящего и погибнешь!

Юлий с недоумением посмотрел на Корнелию. Веселая жизнерадостная девочка говорила серьезно и взросло.

– Я уговариваю отца бросить сенат, – возбужденно продолжала Корнелия, – и поселиться где-нибудь за городом, нам было бы так хорошо на лоне природы. Но он не может. Власть отравила и поработила его всего. Я чувствую, как она однажды пожрет моего отца. Власть – страшное чудовище, словно блудница, льстивыми речами и сладкими посулами заманивает она в свои сети, опьяняет, усыпляет, а потом наносит подлый удар. В сенате нет друзей, нет родных. Там только коварство и лицемерие.

Корнелия закрыла покрасневшее лицо руками.

– Как ты удивительно говоришь и мыслишь, – сказал пораженный Юлий. – Если бы ты родилась мужчиной, то стала бы оратором или философом.

Корнелия подняла голову, ее глаза были задумчивы.

– Мой отец часто и надолго уезжает из дома, а я остаюсь одна и размышляю.

– Ты остаешься одна в доме и не боишься? – вновь удивился Юлий. – Моя мать, например, дрожит от страха, когда оказывается наедине с челядью.

– Почему? – теперь удивилась Корнелия. – Разве можно бояться тех, кто живет с тобой под одной крышей, ест твой хлеб, пьет твою воду? Их надо не бояться, а любить, жалеть и понимать.

– Это рабов-то жалеть и понимать? – Юлий чуть не под-

скочил на месте от возмущения.

– Но они же – тоже люди. Они страдают, радуются, грустят ничуть не меньше, чем их хозяева. Женщины-рабыни любят своих мужей и детей, а их мужья, как и свободные граждане, заботятся о своих женах и детях.

– Да, очень может быть, – проговорил Юлий, размышляя. – Я, правда, никогда не думал о рабах с этой точки зрения. Впрочем, я никогда и не злюсь на них. Рабы иногда бывают так забавны. Несколько лет назад мой отец купил раба, который был ученым. Пираты похитили его и продали на рынке. Но мы дали ему свободу, когда выяснилось, кто он такой. Потому что образованный человек не может пребывать в рабстве.

– Твоя семья поступила правильно. – сказала Корнелия. – Мы тоже иногда с отцом ходим на рынок, покупаем рабов и даем им свободу...

– Цинна освобождает рабов? – Юлий был потрясен.

– Ну да, а что здесь удивительного? Люди охотнее разносят дурную славу, чем добрую. Для всех мой отец – взяточник, лицемер и хитрец, – Корнелия тяжело вздохнула.

– Нет, теперь я думаю, что Цинна не так уж плох, если сумел воспитать такую замечательную дочь.

Цинна в этот раз не остался ночевать у Аврелии. Сразу же после ужина он взял Корнелию, и они покинули дом. Аврелия пыталась задержать консула.

– Куда ты, друг мой? – говорила она. – Уже совсем темно,

на улицах в такой час опасно.

– Со мной охрана, – сказал Цинна, – к тому же я сам отличный воин и, в случае чего, сумею защитить и дочь, и себя.

– Пусть все боги хранят тебя и это дитя, – проговорила Аврелия.

– Пусть и тебя услышат боги, – загадочно проговорил консул.

Цинна и Корнелия уехали, и Аврелия позвала Юлия в свою комнату. Она подвинула резное кресло и усадила в него сына, сама села рядом. За окном стало совсем темно, в комнате же горел лишь один светильник, отбрасывая мягкий свет. Женщина взяла юношу за руку.

– Скажи, сынок, ты все еще хочешь стать жрецом Юпитера? – спросила она.

– Да! – воскликнул юноша, сердце его нетерпеливо забилося.

– Но, прежде чем стать жрецом, тебе придется пройти довольно длительное испытание, послушничество. – продолжила Аврелия. – А оно включает в себя даже выполнение черной, рабской работы. Неужели ты, такой благородный патриций, готов печь хлеб или чистить котлы на кухне?

– Во имя Юпитера я готов делать все. Я уже говорил, что для бога богов нет ни раба, ни хозяина, и служение ему угодно мне в любом виде.

– А чтобы ты сказал, если бы тебя приняли в храм Юпитера без всяких испытаний, и не только приняли, но и назна-

чили бы помощником верховного жреца?

– Это было бы замечательно, – пробормотал обескураженный юноша. – Я довольствовался бы и самым малым в служении Юпитеру, а тут вознестись почти к престолу повелителя богов. Это слишком прекрасно, мама. Я о таком счастье даже пока и помыслить не могу.

– Но это вполне возможно, – сказала Аврелия, – и сам консул готов тебе в этом помочь. У верховного жреца Юпитера некоторое время назад скончался секретарь, и он остался без помощника. Ты бы очень подошел на эту должность. Ты благороден, учен, красив, молод, искусно владеешь слогом, то есть, наделен всеми необходимыми качествами и талантами, чтобы занять это место. Стоит тебе только пожелать, и Цинна замолвит за тебя словечко.

Юноша внимательно посмотрел на мать.

– Не скрою, это очень соблазнительное предложение, – медленно проговорил Юлий, – но я не верю в бескорыстие Цинны. Чего он хочет взамен своей услуги?

– Не так уж и много, мой мальчик, – Аврелия смущенно опустила глаза. – По крайней мере, это малость перед той судьбой, которая откроется тебя, прими ты условия консула.

– Какие условия? – с трудом проговорил Юлий, сердце его сжалось от предчувствия плохого.

– Цинна уже немолод, он много воевал, изранен. В любой момент консул может умереть, и тогда его дочь, эта девочка Корнелия, останется без поддержки. Цинна хочет, чтобы ты

женился на его дочери.

– Никогда! – закричал Юлий. Он вскочил с кресла и теперь стоял перед матерью. – Слышишь, мама, никогда, я не брошу Коссую! Если такова моя плата за эту должность, то она мне не нужна! Я лучше откажусь от Юпитера, от всех богов, от тебя, мама, но только не от моей несравненной Коссуии! Мы поженимся с ней немедленно, сегодня же, сейчас же! В конце концов, я – глава этого дома, и только я имею право решать, кому здесь жить, а кто не достоин даже переступить его порог!

– Ты прав, сынок, – невозмутимо проговорила Аврелия, – и я далека даже от мысли оспаривать твое право на главенство в доме. Но неужели ты действительно ничего не знаешь?

– Чего я не знаю? Что ты скрываешь от меня? – с угрозой спросил Юлий.

– Но я думала, тебя предупредили? – еще больше удивилась мать. – Ну и семейка. А, впрочем, чего ожидать от плебеев?

– Не смей оскорблять семью моей Коссуии! – закричал Юлий, его лицо стало белым, как мел.

– Коссуия больше не твоя, она стала жрицей Весты.

– То есть как? – запнулся Юлий. – Ничего не сказав мне? Даже не написав мне письма? Нет, этого не может быть! – вновь крикнул Юлий. – Ты обманываешь меня, чтобы пристроить дочь своего любовника!

– Вместо того, чтобы говорить мне дерзости, лучше вы-

слушай меня. – спокойно проговорила Аврелия. – Несколько дней назад я ходила в храм Весты, чтобы попросить у богини благословения на твой брак с этой Коссущией, и каково же было мое удивление, когда я увидела твою возлюбленную среди жриц. Она уже и волосы принесла в жертву богине.

– Почему ты мне ничего не рассказала об этом? Почему ты молчала? – в отчаянии воскликнул Юлий.

– Но я думала, что тебе все известно.

– Зачем она это сделала? Почему? – шептал Юлий.

– Не знаю, низкая семейка этой девицы даже не пожелала разговаривать со мной. Видимо, у них какой-то свой расчет. Они тебя предали, сынок. И чем скорее ты забудешь эту особу, тем будет лучше. Дочь ростовщика – не пара потомку богов.

– Не верю, не верю, – бормотал Юлий, – это все ложь! Нет, не может быть! Не может!

Юноша выбежал из комнаты и бросился в конюшню. Здесь, вскочив на первого попавшегося коня, он выехал из дома. Юлий летел, не разбирая дороги, конь перескакивал через ограды и заборы, опрокидывал оставленные телеги и ящики, запоздалые прохожие в испуге шарахались от безумного всадника.

Еще стояла тьма, когда юноша колотил в ворота дома, где жила семья его невесты. Раб-стражник вышел к раннему посетителю, он не хотел его пускать, но молодой человек, как

дикий зверь, бросился на могучего охранника. Подбежали другие слуги. Юлий бился в их руках.

– Коссуция, ты где? – кричал он. – Коссуция! Коссуция!

На шум выбежали и сами хозяева. Запыленный, запыхавшийся, с лихорадочным румянцем на бескровном лице, стоял перед ростовщиками сын благородного Гая Юлия Цезаря, потомок Венеры, Энея, Анка Марция.

– Чего тебе еще нужно? – грубо спросила Юлия мать Коссуции. – Или консульская дочка оказалась плоха? Не столь свежа и румяна, как наша девочка? Конечно, дочь Цинны вся в батюшку, небось, отъявленная паскуда, – женщина засмеялась. – Так тебе и надо, красавчик!

– Где Коссуция? – оступело спросил Юлий. – Где моя невеста?

– Бесстыдник! – воскликнула мать Коссуции. – Иди к своей знатной жене и оставь нашу дочь в покое. Или хмель тебе совсем голову задурил?

– Я не пьяный, – сказал молодой человек, – но я ничего не понимаю из того, о чем ты говоришь. Какая жена? У меня нет жены!

– Не пытайся нас одурачить, развратник. Еще неделю назад твоя матушка прислала нам письмо, в котором сообщила, что ты женился на девушке, «более соответствующей тебе по происхождению и положению в обществе». Это слова Аврелии. Она написала нам, что твоя жена – дочь самого консула Цинны и предупредила, что для нашего же спокой-

ствия, следует смириться и не искать больше встреч с тобой. Нам то что – не ты, так другой. С нашим богатством и красотой Коссудии, жениха найти – самое легкое дело. Не такой уж ты лакомый кусочек, сомнительный потомок богов, но наша девочка...

– Что с Коссудией? – прохрипел Юлий.

– Теперь все в порядке, но после этого письма бедняжка пыталась покончить с собой. Только милость Весты сохранила жизнь нашей дочери. А когда Коссудия пришла в себя, то сказала, что уходит в храм. Мы решили, так будет лучше для всех. Хоть эти охотники за приданым оставят нашу девочку в покое.

– Я не охотник за приданым, я люблю Коссудию! – воскликнул Юлий.

– Ты любишь богатых невест, паренек, – мягко проговорил отец Коссудии. – Возвращайся к своей жене, дочери Цинны, и будь ей верным мужем. Вы действительно созданы друг для друга. Коссудия слишком чиста и прекрасна для тебя. Видно, сама Веста уберегла нашу малютку от позорной участи.

– Я не женат! – кричал Юлий. – Вас обманули! Моя мать солгала вам! Она сегодня сообщила мне, что это Коссудия разорвала нашу помолвку и ушла в храм!

– Ты нам не веришь? – спросил отец Коссудии. – Я сейчас принесу тебе это письмо. Нет сомнения, что его написала сама Аврелия. Мы хорошо знаем ее почерк, она часто об-

ращалась к нам за деньгами, – мужчина усмехнулся.

– Не надо письма, – сдавленно проговорил Юлий, – я вам верю.

– Как бы то ни было, возвращайся домой, мальчуган, – проговорил старый ростовщик. – Что сделано, то сделано. Коссуции назад пути нет, теперь у нее совсем иная жизнь. И не тревожь ее покой, который она только-только обрела в храме. Видно, такова воля богов для нее и для тебя.

– Воля богов? – воскликнул Юлий. – Ну уж нет! Есть только моя воля! – юноша вскочил на коня и вновь устремился во тьму.

Уже было совсем светло, когда он подъехал к храму Весты. Первое, что увидел Юлий – это высокое дерево, по стволу которого струился, словно солнечный водопад. Это развевались под легким утренним ветерком чудесные волосы Коссуции. Такова была традиция: каждая новая жрица остригала свои косы и приносила их в дар Весте, прикрепляя на священное дерево. Ворота были закрыты, но Юлий, встав на спину коня, перелез через ограду и оказался в запретном саду храма. Он подошел к дереву и припал губами к волосам возлюбленной.

– Что ты делаешь, нечестивец? – услышал он грозный окрик.

Юноша обернулся. Перед ним стояла высокая гордая женщина, верховная жрица храма.

– Это локоны моей невесты, прекрасной Коссуции, – ска-

зал Юлий.

– Здесь нет ни невесты, ни Коссущии, – проговорила верховная жрица. – Эту деву ныне зовут Аманта Гортензия. Аманта – значит «возлюбленная». Твою Коссущию возлюбила Веста и дала ей новое имя, Гортензия. Аманта Гортензия служит великой богине и тебе она больше не ровня. Уходи, ибо своим присутствием ты оскверняешь святость этих мест.

Юлий встал на колени.

– Сжался надо мной, величайшая из жриц, – умоляюще сказал он. – Коссущия была моей невестой. Мы стали жертвами подлого обмана. Позволь мне поговорить с ней.

– Это бесполезно. Чтобы ни произошло между вами, ей уже нельзя вернуться к людям. Разве только в гробу, – недобро усмехнулась верховная жрица.

– Я не сделаю ничего плохого этой девушке, – продолжал умолять Юлий. – Я лишь скажу, что не виноват перед ней. Пусть она не таит зло или обиду на меня... Я не хочу, чтобы проклятие весталки пало на мой дом и родных.

– А, ты хочешь получить прощение у служительницы великой Весты? – проговорила довольная женщина. – Что ж, попробуй.

Она кликнула рабыню и приказала ей позвать жрицу Аманту Гортензию.

Когда Коссущия появилась на дорожке сада, то Юлий сначала даже не узнал девушку. В сиянии утреннего солнца, прямая, надменная, с копной коротких белокурых волос, она

казалась подлинным воплощением самой богини.

– Этот человек хочет поговорить с тобой, – сказала верховная жрица. – Я оставляю вас наедине, но помни, что ты уже поклялась Весте. Твое сердце и тело отныне принадлежат только ей.

– Я не разочарую великую богиню, – четко проговорила Коссущия.

– Я это знаю, – кивнула верховная жрица, – ты обещаешь стать лучшей из служительниц Весты. И, может быть, однажды даже займешь мое место. Будь же благоразумной, девочка, – неожиданно мягко прибавила женщина.

– Я не предам ни великую богиню, ни тебя, госпожа, – вновь отчеканила Коссущия. – Я давно уже сделала свой выбор.

Верховная жрица, улыбаясь, удалилась.

– Коссущия, ты ли это? – воскликнул Юлий. Он взял девушку за руку, но юная жрица величественно отстранила молодого человека.

– Не прикасайся ко мне, несчастный, – сурово проговорила она. – Я священная дева Весты. Что тебе нужно от меня?

– Коссущия, я пришел тебе сказать, что мы стали жертвой чудовищного обмана. Я знаю, тебе сообщили, что я женился, но это ложь. Я по—прежнему свободен и принадлежу лишь тебе. Это моя мать, желая склонить меня к браку с дочкой своего любовника, устроила эту интригу с письмом. Она знала, что я, за все сокровища земли и неба, не откажусь от тебя.

Мне же она сказала, что это ты бросила меня и ушла в храм. Я не поверил, поехал в твой дом, и только там узнал от твоих родителей о письме, которое написала моя мать. Аврелия всех обманула. Клянусь самим Юпитером, я ни в чем не виноват!

– Мне безразличны твои оправдания, – холодно проговорила Коссудия.

– Но почему? – закричал Юлий. – Как ты можешь так быстро отказаться от нашей любви? От нашей безграничной, как мир, любви!

Коссудия вздрогнула и побледнела.

– Я ничего не забыла, я похоронила в своем сердце любовь, – прошептала она.

– Все, что произошло с нами – жестокое недоразумение, – возбужденно продолжал Юлий, – но теперь все выяснилось. Наша любовь с нами. Я пришел за тобой. Я заберу тебя отсюда, и мы уедем далеко-далеко. У меня есть деньги, ты не будешь голодать. Мы поженимся уже сегодня и бросим этот проклятый город.

– Это невозможно, – покачала головой Коссудия.

– Но почему? – воскликнул Юлий. – Ты боишься богини? Думаешь, она разгневается на нас? Нет, Веста – хранительница домашнего очага, любовь и брак для нее священны. Она все поймет и будет на нашей стороне.

– Не в этом дело, – печально вздохнула весталка.

Юлий взял девушку за руку, но теперь она не оттолкнула

юношу. Рука Коссуции была влажной и чуть дрожала.

– Ты опасаясь преследований со стороны моей матери, твоих жриц и консула? Не бойся, любимая, я сумею тебя защитить, я же сказал, что у меня есть деньги. К тому же, в моих жилах течет кровь богов, кто посмеет поднять рука на потомка самой Венеры?

– Я никого не боюсь, – проговорила Коссуция, – ни богов, ни людей. Но есть силы, превышающие могущество всего живущего на земле и в мире непознанном. Я говорю о силах Судьбы. Это не твоя мать и не Цинна разлучили нас, так пожелала Фортуна, и те, кто причинили нам зло, стали лишь орудием в ее руках. Нам осталось только смириться с выбором Судьбы.

– Смириться? – в ярости закричал Юлий. – Никогда!

– Борьба с Фортуной бесполезна, она все равно одержит верх, – с грустью сказала Коссуция. – Иди путем, который предначертан тебе и принимай ее милости и удары, как повеление разума, не доступного пониманию смертных.

– Я не оставлю тебя, моя Коссуция, и Фортуна – не указ мне! Пусть она хоть лично явится сюда и прикажет мне расстаться с тобой! Пойдем, любимая, – Юлий обнял Коссуцию и попытался увести ее, однако девушка вновь стала холодной жрицей.

– Уходи, – властно проговорила она, величественно отстраняя Юлия. – Я все сказала. Я люблю тебя, но нам не быть вместе. Прощай.

Коссущия гордо повернулась и неторопливым, царственным шагом, прямая и надменная, пошла по дорожке сада, ведущей к храму. Юноша не видел, что из глаз суровой служительницы богини текли слезы.

Шатаясь, Юлий вышел из святилища, он и сам не знал, каким образом добрался до дома. Все перед ним плыло, он даже не понимал, куда идет, голова страшно болела. Переступив порог фамильного особняка, Юлий потерял сознание.

ГЛАВА 4. КОРНЕЛИЯ И ВЕСТАЛКА

Все усилия домашних врачей оказались тщетны. Не смог помочь и лекарь, привезенный Цинной. Юлий, бледный, почти без дыхания, неподвижно лежал на своем ложе, и жизнь медленно, но неумолимо таяла в этом еще совсем юном теле. Аврелия была в отчаянии.

– Боги, кто мне поможет? Кто вернет мне сына? – металась она по просторным комнатам особняка. – Это мне наказание за то, что я совершила! Я проклятая мать!

Корнелия была в доме Юлиев. Она подошла к женщине.

– Боги милостивы, госпожа. Будем молиться за твоего сына.

– Выслушай меня, девочка, ты должна это знать! – порывисто воскликнула Аврелия. – Это касается и тебя.

Женщина, сев на мраморную скамеечку возле Корнелии, рассказала о любви Юлия к незнатной девушке Коссуции, о своих честолюбивых планах, об интриге с письмом, о том, как несчастная Коссуция чуть не покончила с собой и об отчаянии Юлия, ставшего для него роковым.

– Вот, за что теперь карают меня боги, отнимая мою единственную радость в жизни! – воскликнула Аврелия. – Мое оправдание лишь в том, что я хотела счастья для сына. Я

не желала, чтобы мой благородный и прекрасный мальчик связал свою жизнь с этой ничтожной плебейкой, недостойной даже подавать ему сандалии. И прости меня, девочка, что я воспользовалась твоим именем ради блага сына.

Во время этого бурного монолога Корнелия не перебивала женщину, но лишь с состраданием и печалью смотрела на нее.

– Ты совершила много зла, госпожа, – сказала Корнелия. – Предала людей, пришедших тебе в трудную минуту на помощь, обманула их дочь, причинила страдания сыну. Просить прощения надо не у меня и даже не у богов, но у Коссуции. Самой большой жертвой в этом заговоре стала она. Юлий еще жив, и у нас есть надежда, что он вернется к людям и к нам; родители Коссуции – мудрые люди, повидавшие много, они, я уверена, все же, в глубине души, не очень-то и верили в брак их дочери с потомком Венеры. Но бедняжка Коссуция! Девушка искренне полюбила твоего сына, и ее любовь оказалась столь глубокой, что она отреклась от мира. Она жива, но это не жизнь человека. Коссуция отныне принадлежит богам. Во мраке и тайне пройдут ее годы, ни счастья материнства, ни любви тела и души, ни радостных праздников, ни веселья не будет для этой девы. Вот, кто должен выслушать твою исповедь и сказать решающее слово.

Аврелия подняла голову, ее глаза разом стали сухие.

– Унижаться перед жалкой плебейкой? – воскликнула она. – Да никогда такого не будет! Пусть лучше я потеряю

сына, чем склонюсь пред этим вырожденком безродных менял! – Аврелия в отчаянии зарыдала, упав на холодный мраморный пол.

– Ты потеряешь его, – печально проговорила Корнелия. – Твое сердце слишком жестоко. Больше сына ты любишь свои амбиции. Молись же богам, быть может, они услышат тебя.

Корнелия поднялась и покинула дом, оставив Аврелию биться в гневе и скорби на полу.

Выйдя из особняка Юлиев, Корнелия направилась к храму Весты. Она обратилась к верховной жрице, попросив позвать ей Коссущию. Главная весталка узнала дочку Цинны и злорадно усмехнулась, видя горе и отчаяние девушки. Однако вслух ничего не сказала. Коссущия не заставила себя ждать. Дочь консула и скромная дочь ростовщика, подымавшаяся теперь на недостижимую высоту даже для первого среди смертных, стояли друг напротив друга. Корнелия, в своем дорогом одеянии и ожерелье из сапфиров, с роскошными черными косами, украшенными драгоценными камнями, в сандалиях из позолоченной кожи, почувствовала себя жалкой и ничтожной перед этой девушкой в скромном белоснежном одеянии. Подлинное божественное величие и недоступность исходили от облика Коссущии.

– Да, ты действительно богиня, – прошептала восхищенная и одновременно напуганная Корнелия, – таких не забывают!

– Я не богиня, а всего лишь одна из скромных ее служи-

тельниц. – сурово проговорила Коссуция. – Чего ты хочешь от меня, дочь консула?

Корнелия упала на колени перед весталкой и, сняв с себя бесценное ожерелье, протянула его девушке.

– Спаси Юлия! – воскликнула Корнелия. – Я отдам тебе все, что пожелаешь. Верни ему жизнь и здоровье!

Лицо жрицы не дрогнуло, но Корнелия заметила, что на миг в светлых глазах весталки мелькнуло беспокойство. Корнелии хватило даже этого, еле видимого трепета ресниц, чтобы увидеть огромную любовь и большое страдание в сердце девушки.

– Дар отдашь в храм, – невозмутимо проговорила Коссуция, – а теперь рассказывай, что произошло.

– Причиной преступления Аврелии стала я, а, точнее, положение в обществе моего отца. – сказала Корнелия. – Я не виновата, что мой отец стал влиятельным политиком. Так пожелали боги. И все же, я чувствую свою вину перед тобой. Если бы не было меня, тебя бы не разлучили с Юлием. А теперь Юлий умирает. Он лежит неподвижный и почти не дышит. Ему очень плохо. Если ты возненавидела Юлия и прокляла его, то обрати свой гнев против меня! С меня началась эта печальная история.

– Не кори себя, – спокойно проговорила Коссуция. – Не ты, так другая. У нас не было с ним будущего. Мое происхождение всегда стояло бы между нами. И не будем об этом. Но ты сказала, что Юлий очень болен. Клянусь именем бо-

гини, которой служу, я не проклинала его!

– Но его болезнь не подвластна смертным, – простонала Корнелия, – мой отец привез лучших врачей, но и они бессильны ему помочь. Этот недуг ниспослан богами. Юлий умирает! – Корнелия разрыдалась, закрыв лицо руками.

Коссущия сосредоточенно размышляла.

– Когда мне сказали, что Юлий предал меня, – медленно проговорила весталка, – я, желая расстаться с жизнью, приняла самый сильный яд, который мой отец вывез из Персии. От этого яда не было противоядий. Врачи несколько дней тщетно старались вернуть меня к жизни, но все их усилия были напрасны. В отчаянии мои родители отправились в храм Весты, чтобы попросить великую богиню исцелить меня. И Веста отозвалась на мольбы моих несчастных отца и матери. Безграничное милосердие богини было явлено в облике ее верховной жрицы, священной Руфии. Руфия слышала молитвы моих отца и матери, и подошла узнать, что случилось с их дочерью. Когда они рассказали мою печальную историю, Руфия пожелала лично осмотреть меня. Эта удивительная женщина вырвала меня из лап смерти. Ее знаниям и умениям позавидовали бы самые прославленные мудрецы.

– Умоляю! – воскликнула Корнелия. – Уговори эту дивную служительницу богини спасти Юлия! Я, мой отец, Аврелия – мы все щедро отблагодарим ее.

– Я передам твою просьбу Руфии, – кивнула Коссущия, –

подожди меня здесь.

Корнелия, боясь и надеясь, с нетерпением стала ожидать возвращения юной весталки.

ГЛАВА 5. КОРНЕЛИЯ

Когда Юлий открыл глаза, то увидел, что лежит в собственной спальне, а над ним заботливо склонилась высокая суровая женщина с аскетичным лицом.

– Слава богам, он пришел в себя! – услышал Юлий возглас Аврелии.

Голос матери пробудил разом горькие воспоминания в бующем разуме и всю боль в изнемогшем теле. Юлий мучительно застонал. Юлий попытался приподняться, чтобы прогнать этого злого гения в образе родного человека, женщина властно, но мягко остановила его, слегка надавив на плечи. Юлий, помимо своей воли, опустился на подушку. Перед его глазами стоял горячечный туман, и все же он разглядел, что кроме этой величественной незнакомки и матери в спальне находятся еще два человека: девушка с длинными скифскими косами и еще кто-то очень знакомый.

– Коссуция, – прошептал Юлий.

Легкий шорох по полу с еле заметным дуновением ветра стал ответом на это имя.

– Коссуция! – из последних сил крикнул молодой человек.

– Оставьте нас, – сказала женщина, – если что-то понадобится, я позову.

Аврелия и девушка-«скифьянка» покинули комнату больного. Юлий остался наедине с этой незнакомой женщи-

ной.

– Кто ты? – слабым голосом спросил Юлий.

– Ты меня знаешь, мы недавно встречались.

– Я не помню, – с отчаянием проговорил молодой человек. – Где? Где мы познакомились, госпожа?

– В храме Весты. Я Руфия, верховная жрица богини.

– Веста, – прошептал Юлий, – ты пришла, чтобы дальше мучить меня. Умоляю, убей. Я не могу больше жить.

– Можешь и будешь, – сурово проговорила весталка. – Пока твой час не пробил.

– Твоя богиня уже разлучила меня со смыслом моей жизни, с моей Коссущией, я хочу лишь умереть.

– Сегодня Веста возвращает тебе твою возлюбленную, но захочет ли Коссущия вернуться к тебе? – усмехнулась жрица. – Коссущия, дитя мое, иди сюда.

Снова легкий шорох и дуновение ветра от воздушных одежаний юной весталки сопроводили шаги Коссущии. Девушка подошла к постели Юлия. Молодой человек замер, не веря своему счастью.

– Твое слово, Коссущия, – проговорила Руфия. – Конечно, такого еще не было, чтобы богиня возвращала своих служительниц, но Веста – покровительница истинной любви, а здесь мы видим великое чувство. Сделай выбор, Коссущия. Сейчас ты в доме жениха и можешь в нем остаться, или навсегда его покинуть и распрощаться с женской судьбой, чтобы стать священной девственницей богини. Думай, ма-

лышка. Аврелия согласна на твой брак с Юлием. Сама Веста предоставляет тебе ныне право выбрать свою судьбу.

– Я уже сделала свой выбор, – ответила Коссущия. – Я остаюсь с великой Вестой.

– Коссущия, – простонал Юлий, – любимая, за что? Я выздоровею, подари мне хоть надежду быть с тобой, и это станет лучшим лекарством для меня.

– Ты сурова, девочка, – улыбнулась весталка. – И тебе не жалко губить такое преданное сердце? Этот несчастный юноша любит тебя.

– Я тоже люблю Юлия, – еле сдерживая слезы, проговорила Коссущия, – но я познала силу и милость Весты. Перед могуществом и величием этой богини все земные чувства – ничто. Тебя, благословенная Руфия, послала мне сама Веста. В твоём облике ощутила я безграничную мудрость великой богини. Отныне я считаю тебя, Руфия, своей второй матерью. Благодаря твоему искусству, искусству, навеянному самой Вестой, я получила новое рождение. Коссущия умерла, но на свет явилась Аманта Гортензия, служительница богини. Мой отказ от любви, что была между мной и Юлием – дар священной Весте. Прости, любимый, – склонилась Коссущия к постели молодого человека, – но так будет лучше для всех. У тебя иная судьба. Да благословят тебя боги!

Коссущия порывисто выбежала из комнаты, слезы застилали ей глаза.

– Коссущия, Коссущия, – хрипел Юлий, протягивая руку,

словно пытаюсь удержать любимую.

Молодой человек вновь потерял сознание.

Последующие дни, а, может, и месяцы прошли, словно в тумане. Руфия прислала лекарства, которые поддерживали жизнь в Юлии, но это было существование плоти, но не души. Временами Юлий приходил в себя, и тогда он осознавал, что лежит в постели, чувствовал на губах горьковатый вкус снадобий, видел возле себя бледную женщину, похожую на Аврелию, и еще какую-то девушку, чье имя он так и не мог вспомнить. Но эти пробуждения были мучительны, потому что вместе с ними приходило и воспоминание о навсегда утерянной Коссуции. В бреду Юлий звал свою возлюбленную, стонал, метался на постели, а потом, утомленный и обессиленный, проваливался в черную бездну. И эта попытка длилась бесконечно. Но вот наступил день, когда юноша проснулся и ощутил, что болезнь оставила его. Боль прошла, а на душе было печально и спокойно. Нежная рука легла ему на лоб.

– Корнелия, – вспомнил Юлий имя того образа, кого он видел даже среди горячечного бреда.

Корнелия, заботливая и внимательная, сидела возле его постели. Черные волосы, заплетенные в две длинные косы, словно у скифиянки, коснулись исхудавшей груди Юлия.

– Корнелия все это время была рядом с тобой, – услышал он голос матери. Над девушкой величественно возвышалась Аврелия. – Ты очень напугал нас, сынок, – продол-

жила мать. – Если бы не Руфия, мы бы потеряли тебя. Ты должен отблагодарить главу весталок.

– Мне не за что благодарить Руфию, – сказал Юлий. – Она и ее богиня причинили мне такое зло, какое не принесли бы, даже поразив ножом в самое сердце.

– Не говори так, господин, – сказала Корнелия, – Руфия совершенна во всем.

– Совершенна во всем это ты, Корнелия, – с грустью сказал Юлий.

Он хотел дотронуться до девушки, но рука не послушалась его и безвольно упала на подушку.

– Руфия сказала, что силы скоро вернутся к тебе, – проговорила Аврелия, – но для этого тебе надо хорошо есть. Я прикажу, чтобы принесли завтрак.

– Я ничего не хочу! – зло воскликнул Юлий.

– Корнелия, детка, уговори этого упрямца хоть немного поесть, – не смутилась Аврелия агрессии сына.

– Съешь булочку, – ласково улыбнулась Корнелия, – я сама их испекла.

Юлий смирился перед этой добротой и искренностью.

– Хорошо, – покорно проговорил он.

Рабы принесли теплые мягкие булочки, молоко, фрукты. Юлий ел и не чувствовал вкуса. Ему было все равно: вкус, запах, цвет – больше не существовали для него. Юноше казалось, что внутри него что-то умерло, душа покинула тело, оставив на земле пустую телесную оболочку.

На следующее утро он уже встал с постели и вышел в сад. Юлий, словно сомнамбула шел по аллеям и остановился лишь тогда, когда увидел, что находится под тем самым деревом, под сенью которого, он и Коссущия простояли весь свой первый день. Юлий сел на траву и, обхватив колени руками, погрузился в воспоминания. С необычайными подробностями и тщательностью проходили перед его мысленным взором картины их свиданий с Коссущией. Он почти осязал свою возлюбленную, слышал ее звонкий смех, ощущал шелк длинных сияющих волос. Чье-то прикосновение жестоко разрушило приятные грезы. Юлий вздрогнул и вернулся к реальности. Он увидел, что возле него на траву опустилась Аврелия. Юлий посмотрел на мать пустым, невидящим взором. Ни злости, ни неприязни к матери больше не было в сердце юноши. Женщина обняла сына.

– Не ищи забвения в прошлом, – сказала она, – но старайся найти его в будущем. Ты потерял одну, но можешь обрести другую, не менее преданную и любящую. Я говорю о Корнелии. Ты не знаешь, как эта девочка самоотверженно ухаживала за тобой. Твоя Коссущия...

– Не говори о Коссущии! – воскликнул Юлий. – Она богиня!

– Вот именно, что богиня, – кивнула мать, – у нее другие заботы. Она так и не пришла больше, чтобы навестить тебя, а бедняжка Корнелия не отходила от твоей постели.

– Корнелия очень добрая, – согласился Юлий.

– Она замечательная. Не прогоняй ее от себя. К тому же у нее кроме отца никого нет. За время твоей болезни она очень привязалась к нашему дому. Корнелия не похожа на избалованную патрицианку, она сама пекла для тебя хлеб и выбирала лучшие продукты для твоего стола.

– Да, девушки, подобные Корнелии, встречаются редко, – сказал Юлий.

В это время в глубине деревьев они увидели Корнелию. Дочь консула, взяв лейку, поливала цветы, черные скифские косы завораживающе струились вдоль тела.

– Женись на ней, сынок, – сказала мать, – она так тебя любит.

– Неужели в этом мире еще существует любовь? – вздохнул Юлий.

– Существует, и Корнелия уже доказала свою любовь к тебе. Это она, узнав твою историю, отправилась к Коссуции, чтобы вымолить прощение.

– Прощение? – воскликнул Юлий. – Но за что? Корнелия ни в чем не виновата, ни перед богами, ни перед людьми.

– Корнелия посчитала себя виноватой в том, что родилась на свет, мой мальчик, – спокойно проговорила Аврелия, пристально глядя на сына. – Вот так. Если бы ее не было, я не задумала бы поженить вас и, значит, твой брак с Коссуцией мог бы состояться.

– Бедная Корнелия, – ужаснулся Юлий, – сколько добра и милосердия в ее безгрешном сердце!

– Да, сынок, – холодно продолжала Аврелия, – благородная патрицианка Корнелия стояла на коленях перед этой плебейкой Коссущией...

– Не смей оскорблять Коссущию! – вскричал Юлий.

– Я не оскорбляю, а рассказываю то, что поведала мне Руфия, которая была свидетельницей этой сцены. Эта главная весталка очень гордится своей выученицей, она прямо упивалась, когда описывала, как унижалась Корнелия, валяясь в ногах у Коссущии, предлагая ей свое драгоценное ожерелье, за отмену проклятия.

– Бедная Коссущия, бедная Корнелия, – простонал Юлий, закрывая лицо руками.

– Итак, – неумолимо продолжила мать, – Корнелия решила, что это Коссущия навела на тебя порчу, желая отомстить за свои разбитые надежды. Коссущия отрицала свою вину в твоей болезни и попросила помощи у своей госпожи, этой Руфии, которая, как я слышала, знает со всеми темными и светлыми богами Олимпа. Руфия прельстилась даром Коссущии, ее бесценным сапфировым ожерельем, и за это согласилась помочь тебе. Они пришли вдвоем в наш дом, чтобы насладиться нашим горем и своим недостойным триумфом. Потому что, если и не девчонка Коссущия наслала на тебя порчу, то это уж точно совершила ее хозяйка, Руфия, которая презирает всех благородных и славится своим вольнодумством.

– Как ты зла, моя мама, – в отчаянии проговорил Юлий.

– Я не зла, но говорю тебе правду. Твоя болезнь была результатом проклятия, насланного этими гарпиями. Лучшие врачи были бессильны тебя исцелить, но, едва появилась эта Руфия с ее заговорами и снадобьями, как ты пошел на поправку. И хоть я ненавижу эту особу и всех весталок, ее подопечных, не могу не признать их искусство. Я принесла еще дары в храм, лишь бы не нажать столь хитроумного и беспощадного врага. Руфия, кажется, осталась довольна моим подношением, но, умоляю тебя, Юлий, держись подальше от весталок. Эти священные девы и впрямь обладают великими магическими познаниями. Надеюсь, нам больше не придется иметь с ними дело.

Юлий молчал, слезы текли по его лицу.

– Коссущия потеряна для меня навсегда, – тихо проговорил юноша. – Она отреклась от меня, предпочтя темноту храма моей светлой любви.

– Так будет лучше для всех. Ты должен благодарить богов, сынок, что они избавили тебя от этой бестии. Она недостойна тебя не только по своему происхождению, но и по своей сути: за нежным обликом нимфы скрывается беспощадная душа ламии. Пусть убирается во мрак своего храма. Боги посылают тебе спасение в виде Корнелии, этой самоотверженной, благородной, бескорыстной, преданной девушки. Чтобы Корнелия ни узнала о тебе, чтобы с тобой ни случилось, она не откажется от тебя, не бросит, и согласится даже умереть ради твоего счастья и благополучия.

– Я это уже понял.

– Тогда почему же ты отвергаешь ее?

– Я согласен взять в жены Корнелию. Если она этого хочет, то пусть ее желание исполнится. Пусть исполнится мечта этого чистого доброго сердца.

– О, сынок, – воскликнула мать, – какой же прекрасный поступок ты совершил! Я знаю, все боги Олимпа сейчас радуются за тебя.

Юлий устало и печально вздохнул.

ГЛАВА 6. СВАДЬБА ЮЛИЯ И КОРНЕЛИИ

Аврелия, торопя события, назначила свадьбу на самое ближайшее время. Юлий не спорил с матерью, праздничные хлопоты не радовали, но и не раздражали его. Равнодушие и усталость охватили молодого человека. Корнелия, видя такое состояние жениха, как-то вечером подошла к Юлию.

– Все еще можно изменить, – тихо сказала она. – Я знаю о твоем горе и не требую взаимной любви, но, если я совсем неприятна тебе, то лучше оставить все, как есть... – на ресницах Корнелии выступили слезы.

– Не волнуйся, – мягко проговорил юноша, – ты очень нравишься мне, и я не хочу ничего менять. Все будет хорошо, милая.

Девушка улыбнулась.

– Спасибо, – прошептала она.

За несколько дней до свадьбы странный посетитель пришел в дом Юлиев. Незнакомец был средних лет, высок, могучего телосложения, с короткими, вьющимися волосами и раздвоенным квадратным подбородком. Этого человека можно было бы назвать красивым, но что-то слащавое, отталкивающее было в этой, на первый взгляд, мужественной внешности. Словно боясь испачкаться, он брезгливо подби-

рал полы тоги и кривил тонкие губы. Он попросил, чтобы его проводили к Юлию. Войдя в дом, этот человек придирчивым взглядом осмотрел роскошное убранство особняка, острая зависть отразилась на его резком лице.

– Приветствую тебя, благородный Гай Юлий Цезарь, – хорошо поставленным голосом опытного полководца и оратора проговорил незнакомец. – Меня зовут Луций Корнелий Сулла, я сенатор.

– Приятно с тобой познакомиться, сенатор, – учтиво поклонился Юлий. – Присаживайся, пожалуйста.

Сулла небрежно развалился в кресле.

– Я был другом твоего отца, – сказал сенатор, – и, уважая его память, пришел сюда, чтобы предупредить тебя о грозящей опасности.

– О какой опасности, сенатор? – удивился Юлий. – Что мне грозит?

– Ты поставил не на ту лошадку, дружок. Твоя свадьба – позор для славного рода Юлиев.

Юлий нахмурился.

– Если ты пришел оскорблять меня, Сулла, а, тем более, мою невесту, я прикажу моим рабам выгнать тебя вон, – с угрозой проговорил Цезарь.

– Не шуми, мальчуган, – засмеялся Сулла, – в душе ты тоже согласен со мной. Плебейка Коссутция, конечно, не пара тебе, но и дочка этого взяточника Цинны тоже тебе не нужна. Я вижу твои замыслы до самого сердца. Ты захотел под

крылышко к консулу, но его положение очень шатко. Новым правителем Рима стану я. И первое, с чего я начну, это уничтожу подлеца Цинну. Гнев, который я обрушу на отца, падет и на дочь, и, если окажешься ты рядом, то – и на тебя. Брось ее, пока не поздно, я найду тебе другую жену, действительно достойную особу.

– Убирайся! – воскликнул Юлий, он сжал кулаки и стал приближаться к Сулле.

– Уймись, юноша, – сказал сенатор, быстро поднимаясь, и начиная отступать к двери, – я говорил с тобой так резко лишь потому, что ты мне очень симпатичен и, во имя светлой памяти твоего отца, я не желаю, чтобы с тобой случилась беда. Дружи со мной, а не с Цинной, я – истинный покровитель для тебя.

Юлий схватил первую попавшуюся вазу.

– Еще одно слово и я разобью тебе голову, – проговорил Юлий.

– Ах, вот как, – побледнел Сулла, – ну, берегись, щенок, ты еще заскулишь у меня!

Сулла повернулся и стремительно вышел из комнаты. Во дворе он столкнулся с входящим в дом Цинной. Юлий видел из окна, с какой ненавистью посмотрели друг на друга два влиятельных политика. Сулла быстро прошел мимо, и сев в свои носилки, покинул дом Юлиев. Цинна быстро вошел в комнату Юлия. Юлий впервые видел этого ироничного, вальяжного человека таким взволнованным. Лицо Цин-

ны было красным, а глаза горели гневом

– Что делал здесь этот мерзавец? – воскликнул Цинна.

– Очень странно себя вел. – ответил Юлий. – Мне он даже показался безумным.

Юлий рассказал о своей беседе с Суллой. Цинна устало присел на ложе.

– Этот негодяй не дает мне покоя, – сказал консул, вытирая лицо. – Мы с ним давние враги. Он ненавидит меня, а я – его. Эта скотина Сулла, развратник и подлец, сватался к моей дочери. Старый сатир захотел жениться на моей нежной юной голубке. Но я-то знаю, ему нужна не Корнелия, а ее приданое. Вряд ли найдется в Риме еще девушка с таким состоянием, какое я даю за моей дочерью. Я отказал Сулле. Сатир еще несколько раз приходил ко мне с предложением отдать дочь. Он пытался сразить, а потом и запугать меня своими связями и влиянием в сенате, угрожал, уговаривал, в конце концов, мы поругались с ним. Сулла становится все более и более опасным, он набирает мощь. Я выгнал Суллу, и после этого началась моя битва с сенатором, которая неизвестно чем закончится... Так что, паренек, тебе действительно, пожалуй, лучше отказаться от моей дочери. У Суллы много могущественных друзей, скоро новые выборы, и следующим консулом может стать он. Если Сулла получит власть, страшно подумать, что с нами тогда будет да и с Республикой тоже.

– Я не откажусь от Корнелии ни при каких условиях, –

четко проговорил Юлий.

– Вот как? – удивился Цинна, он с интересом посмотрел на молодого человека. – Но мне казалось, что ты не любишь мою дочь, и женишься лишь из жалости к бедняжке Корнелии. Это она безумно влюблена в тебя.

– У меня есть чувства к Корнелии. Клянусь, я не оставлю твою дочь и стану ей самым верным мужем и защитником.

– Спасибо, – сказал Цинна, – пожимая руку молодого человека. – Именно это я и хотел услышать и рад, что не ошибся в своих ожиданиях. Когда я впервые обратил внимание на тебя, то сначала меня привлекло твое благородное происхождение. Моя семья тоже принадлежит к древним знатым патрициям. Я рано овдовел и один воспитывал дочь, поэтому особенно к ней привязался. Я хотел для моей доченьки все самое лучшее: лучшие наряды, лучших учителей, лучшего мужа. Корнелия росла в роскоши и в достатке, не зная зла и горя. Но я становлюсь стар, к тому же тучи, вызванные Суллой, сгущаются надо мной. В любой момент меня может не стать, и тогда моя девочка останется совсем одна в жестоком мире. Ты показался мне достойным: потомок божественного рода, умный, образованный, достаточно богатый, молодой, красивый. Я решил, что лучшего зятя мне не найти, Корнелия же влюбилась в тебя с первого взгляда. Я предложил Аврелии вас поженить. Клянусь Юпитером, я не знал, а твоя мать мне ничего не рассказала, о твоей любви к Коссуции. Если бы мне было известно о твоих чувствах к той

девушке, то я не стал бы смущать ни твой покой, ни дочери.

— Коссущия отказалась от меня. — тихо проговорил Юлий. — Мы могли быть вместе, но она предпочла небесную любовь любви земной. Это был лишь упоительный сладкий сон, только сон и ничего больше. Я сделаю все, чтобы Корнелия стала счастливой.

Наступил день свадьбы. И опять в доме Юлиев собрался весь цвет Рима: сенаторы, военные, модные философы, представители самых знатных и уважаемых семейств. Слух о том, какой свадебный подарок получил этот бледный изящный юноша, заставил склонить головы перед семьей Юлиев даже самых ярких недоброжелателей. Все стремились заручиться поддержкой зятя консула, помощника самого верховного жреца Юпитера. Однако ни сердце, ни глаза Юлия не радовались свалившейся на него удаче.

Юлий почти ничего не ел и не пил, ярко алая туника зловеще подчеркивала его смертельную бледность. Среди гостей прошел шепот, что, вероятно, верховный жрец Юпитера, в ближайшее время, вновь останется без помощника, а юная супруга станет прехорошенькой молодой вдовушкой. Корнелия тоже была грустна. Ее прекрасные волосы убрали в высокую прическу, придавшую девушке гордый величественный вид, словно у служительницы Весты. Мысли о Весте всколыхнули в Юлии с новой силой мучительные воспоминания о Коссущии; Юлий тряхнул головой, отгоняя наваждение. Корнелия понимала состояние супруга.

– Я буду ждать твоей любви, ни о чем не волнуйся, – ласково сказала Корнелия.

Она нежно, как сестра поцеловала юношу в мокрый лоб.

ГЛАВА 7. АРЕСТ

Юлий стал секретарем верховного жреца Юпитера и супругом одной из самых завидных невест. 16-ти летний юноша, для непосвященных, казался счастливым, баловнем судьбы, но, на самом деле, это было не так. Юлий был глубоко несчастен. Ничто не могло заполнить пустоту в сердце, образовавшуюся после расставания с Коссуцией. Кроткая, терпеливая Корнелия все понимала и не упрекала мужа в холодности.

Никто не видел слез Юлия и не знал, как он вечерами, когда храм пустел, жарко молился Юпитеру, прижимаясь горячей головой к холодному мрамору статуи.

– Помоги мне великий бог, не оставляй меня, – шептал юноша.

83 год стал для Юлия и Корнелии роковым. Большое горе обрушилось на молодых супругов, убили Цинну. Официальная версия говорила о его ссоре с военными, которые, будучи не согласны с политикой консула, организовали мятеж. На самом же деле, Цинна стал жертвой безжалостных наемников, скрывшихся среди солдат. Прежде чем умереть, Цинна выдержал героический бой. Когда тело правителя Рима доставили домой, то все ужаснулись увиденному: Цинна был буквально изрублен на куски злоумышленниками. Народная молва говорила, что организовал эту бойню Сулла, который,

в последнее время, сделался могущественным, как никогда.

Аврелия и Корнелия были безутешны. Юлий хоть и не испытывал симпатии к Цинне, но и его взволновала это смерть. И не только потому, что Цинна был теперь родственником Юлия. Цезарь понимал, что жестокое убийство – первая смерть из череды ожидаемых смертей.

– Я знала, что эти люди однажды убьют моего отца. – плакала Корнелия. – Почему, почему отец не послушал меня? Я так просила его, чтобы он бросил сенат, бросил Рим и уехал бы куда—нибудь подальше. Мы купили бы дом в горах и были бы все так счастливы.

– Мы еще будем счастливы, – сказал Юлий жене, – верь мне, милая. У нас все будет хорошо.

Сулла объявил себя диктатором. Еще несколько влиятельных сенаторов погибли от рук неизвестных преступников. Имя организатора убийств вслух не произносилось, но все знали, что за покушениями стоит Сулла. Сулла победил. 120 лет свободный Рим не знал диктата, время консульского правления завершилось, начиналось время крови.

На следующий день, как Сулла провозгласил себя диктатором, когда Юлий вернулся домой из храма, его уже ждал раб с письмом. Сулла приглашал Юлия к себе в гости. Не ожидая ничего доброго от проявления внимания этого властителя, молодой человек всю ночь составлял завещание.

– Я еду к нашему знакомцу, всеподлейшему Сулле, – сказал Юлий утром жене. – Хорошего от этого свидания не жду.

Поэтому, если не вернусь, открой этим ключом шкафчик в моем кабинете. – Юлий протянул Корнелии небольшой ключик. – Там увидишь свиток. Это завещание, ты станешь наследницей всего моего имущества.

– Не надо, не ходи, – прошептала молодая женщина, прижимаясь к груди Юлия.

– Я не могу не идти, хотя бы ради того, чтобы защитить тебя.

– Сулла – страшный человек. Он сватался ко мне, я очень его испугалась, долго плакала. Но, к счастью, мой отец отклонил этот брак. Я уже тогда почувствовала, что у Суллы злое сердце и подлая душа.

– Да, Сулла это Аполлон с душой сатира.

– Сулла убил моего отца и всех его друзей. Я не переживу, если он еще убьет и тебя.

– Неужели я так дорог тебе? – с нежностью и печалью спросил Юлий.

– Дороже жизни, мой свет! – с жаром воскликнула Корнелия.

– У нас все будет хорошо, теперь я просто уверен, что мы будем счастливы, – решительно проговорил Юлий.

Носилки доставили Юлию в роскошный дворец Суллы. Диктатор очень любезно принял молодого человека, помог ему расположиться на удобном ложе, приказал рабам подать угощение.

– Прежде всего, – начал Сулла, – я пригласил тебя, чтобы

извиниться за мое недостойное поведение в твоём доме. Я позволил себе тогда дерзко и грубо говорить с тобой, но у меня есть оправдание, я был зол на Цинну. Долгие годы мы были с ним друзьями, а потом он предал меня и стал поддерживать моих врагов. Сама мысль о том, что сын благородного Гая Юлия Цезаря берет в жены дочь этого изменника, взяточника и прохвоста Цинны, была мне невыносима. Признаюсь, что я тогда погорячился. Но теперь Цинны нет, и все наши распри с ним забыты, а ты, хоть и стал его зятем, по-прежнему мне очень симпатичен. Итак, ты не сердишься на меня, мой мальчик?

– Сердиться на тебя, диктатор? – изумился Юлий. – Могу ли я?

Сулла сделал вид, что удовлетворен ответом Юлия.

– Ну вот и прекрасно, – улыбнулся он. – А теперь поговорим о деле, ради которого я пригласил тебя в свой дом.

Юлий насторожился, словно зверь, следящий за охотником.

– Я рад, что сын моего друга, еще будучи в столь юном возрасте, уже добился так многого в жизни, – сказал Сулла. – Ты стал приближенным самого верховного жреца Юпитера и женился на первой невесте в Риме. И твой успех доказывает, что ты – любимец богов. И боги и дальше будут покровительствовать тебе, конечно, если ты не разочаруешь их. А молодости, увы, свойственно ошибаться. Невольно, из мальчишеского упрямства, по неопытности, ты совер-

шишь какой-нибудь промах, который отвратит от тебя сердца смертных и бессмертных. Как тебе известно, и те, и другие, не любят глупцов и неудачников.

– Я не понимаю тебя, диктатор, – сказал Юлий, пытаясь прочесть по самодовольному хитрому лицу властителя, его тайные мысли.

– Я хочу стать твоим покровителем, дружок, – мягко проговорил Сулла. – В память о твоём уважаемом отце, моём первом и единственном друге, я хочу позаботиться о его сыне. Ты благороден, умен, красив и достоин самой высокой доли. Сейчас ты стал помощником верховного жреца Юпитера, но, очень скоро, с моей помощью, ты сам займешь место высшего служителя бога богов, а там и до понтифика максимус, главы всех жрецов, рукой подать.

Юлий был растерян.

– Твое внимание и забота, диктатор, не скрою, очень приятны и лестны для меня, – проговорил озадаченный Юлий, – но я хотел бы все же узнать, чего ты в ответ на твое покровительство ожидаешь от меня?

– Маленький хитрец, – притворно засмеялся Сулла, – ты еще более умен, чем я думал. Но это и к лучшему, значит, с тобой можно говорить прямо. Да, паренек, за свою помощь я ожидаю от тебя одной малости. Для тебя это будет сущим пустяком.

Сердце в груди Юлия болезненно сжалось, с такой же милой фальшивой улыбкой и почти теми же словами разлучала

его Аврелия с Коссуцией.

– И что же это за пустяк? – мрачно спросил Юлий.

– Твоя жена. – сказал Сулла. – Разведись с Корнелией. Вот цена твоего высокого жребия.

– Почему ты так хочешь, чтобы я оставил Корнелию?

– Я уже говорил тебе, потому что она дочь изрядного мерзавца. Такой брак только компрометирует тебя. Будущему верховному жрецу Юпитера не нужна жена, чей отец снискал столь дурную репутацию.

– Ты лжешь, Сулла, – сказал Юлий. – Мне известно о твоих притязаниях на Корнелию, а, правильнее, – на ее богатства. Цинна выгнал тебя, а теперь я хозяин и защитник Корнелии и всему ее имуществу. Я, благородный Гай Юлий Цезарь, заявляю, что ты не получишь ни мою жену, ни единой монеты из ее приданого!

Сулла был взбешен, но усилием воли он сдержал себя и попытался изобразить хладнокровие.

– Я понимаю, что подлец Цинна представил мою любовь к его дочери, как мое желание лишь прибрать приданое Корнелии, – проговорил Сулла, мило улыбаясь губами и гневно сверкая глазами, – но это не так. Я действительно любил и продолжаю любить несравненную Корнелию. Я надеялся, что после замужества она подурнеет, но нет, эта нимфа за три года, проведенных в твоём доме, еще больше расцвела и стала еще более соблазнительна и прекрасна. Мне не нужно ее приданое и все ее богатства, оставь их себе. Отдай мне

Корнелию.

– Никогда! – воскликнул Юлий. – Скорее я поступлю наоборот, отдам тебе все свои богатства и богатства жены, чем брошу Корнелию.

Сулла больше не пытался выглядеть любезным.

– Я куплю у тебя Корнелию, – крикнул он, – называй свою цену!

– Нет, Корнелия – моя жена и никто, даже сам Юпитер, не сможет ее у меня отнять!

– Я озолочу тебя, я стану твоим другом и покровителем, ты будешь моим советником! Ты получишь любую жену! Я сам стану твоим сватом! Ни один патриций не откажет тебе, если за твоей спиной будет стоять сам диктатор! Чего же ты хочешь еще? Говори же, дерзкий мальчишка!

– Я ничего не хочу, кроме того, как владеть Корнелией, моей женой!

– Берегись, щенок! Я уничтожу тебя! Я убью всю твою семью, включая твоих рабов.

– Если ты посмеешь причинить зло моим домочадцам или мне, я всем расскажу о твоей гнусной страсти к моей жене! Народ и сенат тебе этой низости не простят!

Не успел Юлий и понять замысел Суллы, как диктатор схватил фруктовый нож, лежавший возле вазы с плодами, и полоснул себя по руке, алая кровь в миг заляпала причудливыми пятнами белоснежную тогу властителя.

– Охрана! – завизжал диким голосом Сулла, он швырнул

нож Юлию.

Молодой человек попятился, но было уже поздно. В зал вбежали стражники.

– Этот человек пытался меня убить! – закричал Сулла. – Видите этот нож? На нем моя кровь. Уведите его. В самое ближайшее время этот предатель предстанет перед судом.

Юлия бросили в страшную Мамертинскую тюрьму, славившуюся особо жестокими палачами и невыносимыми условиями содержания. Гая Юлия Цезаря поместили в сырую холодную камеру с крошечным окошечком под самым потолком. Вместо постели в углу валялась охапка гнилой воючей соломы, возле которой стоял кувшин с протухшей водой и лежал зачерствевший покрытый плесенью кусок хлеба.

– Приятного аппетита, господинчик, – засмеялся тюремщик. – Благодарю диктатора, эта камера смертников, тебе не придется долго ждать. Отсюда тебя отведут прямо на казнь.

Массивная вековая дверь с ужасающим скрипом и лязгом захлопнулась.

ГЛАВА 8. ВЕСТАЛКИ

Несколько дней провел Юлий в этой тюрьме. Ни верховного жреца Юпитера, ни жену, ни мать не пускали к нему. А между тем весть об аресте Гая Юлия Цезаря, секретаря верховного жреца, всколыхнула Рим. Никто не верил, что этот изящный образованный юноша пытался убить диктатора. Самые невероятные слухи, нелестные для Суллы, стали стремительно распространяться по городу. Опасаясь волнений и беспорядков, Сулла решил судить Юлия домашним судом. В роли обвинителя выступал сам диктатор, в качестве судьи пригласили Руфию и нескольких весталок, защиту представляли жена и мать. Перед судом Юлию разрешили привести себя в порядок. Раб принес одежду из дома. Молодой человек умылся, тщательно побрился, искусно уложил волосы. Исхудавший, с темными кругами под глазами, бледный, но не сломленный вернулся он в фамильный особняк. Юлия поместили в его комнату, к дверям приставили охрану, снаружи дом оцепили. До часа заседания Юлию так и не позволили пообщаться с домочадцами. В полдень начался суд, он проходил в гостиной. В центре, в самом роскошном кресле, восседал Сулла, справа от него встали Аврелия и Корнелия, слева, в креслах, сидели весталки, во главе с Руфией. Скользя по ним рассеянным взглядом, юноша на миг замер, он увидел Коссуцию. Но даже ресницы не дрогну-

ли на непроницаемом лице молодой весталки. Первым взял слово Сулла. Он поднялся, картинно перекинул край плаща через руку и неторопливо подошел к Юлию, которого тоже вывели в центр зала.

– Я обвиняю этого человека, – проговорил диктатор, – в покушении на мою жизнь. И вот доказательства, – Сулла продемонстрировал начавший заживать шрам, оставленный фруктовым ножом.

– Это ложь, диктатор, – сказал Юлий, смело глядя в лицо противнику. – Ты сам нанес себе рану, чтобы обвинить меня.

– Обвинять тебя? Но зачем мне это? Я даже почти не знаком с тобой, безумный мальчишка. Да, я пригласил тебя в свой дом, так как, уважая твоего отца, который был моим другом, хотел помочь и его сыну. Ты же оплатил мне черной неблагодарностью за мое радушие и гостеприимство. Признайся нам честно, – и это облегчит твою участь, – тебя подкупили, или ты по собственному желанию решил напасть на меня?

– Я повторяю, я не нападаю на тебя. – проговорил молодой человек. —Ты предложил мне развестись с женой, а, когда я отказался, ты поклялся уничтожить меня и придумал эту клевету.

При этих словах Аврелия испуганно вскрикнула, Корнелия закрыла лицо руками, а весталки возмущенно зашептались.

– Подождите, священные жрицы, – сказал Сулла, – юноша

не рассказал вам, почему я сделал ему такое предложение. В дружеской беседе я заметил Юлию, что при его состоянии здоровья и рассудка, было бы лучше, если бы он отпустил прекрасную Корнелию, дабы она смогла обрести семейное счастье с каким-нибудь другим человеком.

– Ты грязная свинья, – закричал Юлий, – и я жалею, что тогда действительно не убил тебя!

– Ну вот, вы видите, – развел руками Сулла, – он опять угрожает мне.

– Зачем ты оскорбляешь моего мужа? – звонко проговорила Корнелия. Она подошла к диктатору. – Оставь Юлия в покое. Ты ненавидел моего отца, потому что он отказал тебе, когда ты пришел просить моей руки. Мой отец знал твою подлую натуру, не я, но мои богатства тебе были нужны.

– Я любил тебя и продолжаю любить, прекраснейшая Корнелия, – Сулла притворно прижал руку к сердцу, – но Цинна, по каким-то своим мыслям, отверг мое предложение, приписав мне корыстные намерения.

Весталки вновь возмущенно зашептались.

– Священные девы! Вы, собравшиеся здесь, свободные жители Рима, кто скажет, что плохого в любви? – наступал Сулла.

– Но не к чужой жене, – усмехнулась Руфия, глава весталок даже не приподнялась со своего места.

– Увы, это мой грех, я так и не разлюбил Корнелию, хоть она и вышла замуж, – вздохнул Сулла. – И потому мне осо-

бенно горько наблюдать за ее несчастливым браком.

– Ты ошибаешься, диктатор, мы очень счастливы с мужем, – сказала Корнелия. Она взяла Юлия за руку. – Свободные граждане Рима, и вы, великие жрицы, я свидетельствую перед богами и вами, что мой брак с благородным Гаем Юлием Цезарем очень счастливый, мы искренне любим друг друга, верны священным законам супружества, и наши чувства не угаснут и через года.

Юлий шагнул вперед, не выпуская руки жены.

– И я подтверждаю слова моей обожаемой супруги, – сказал он, – и кто посягнет на наше семейное счастье, – преступник перед богами и людьми.

Весталки одобрительно закивали головами, Юлий бросил быстрый взгляд на Коссуцию, девушка сидела прямая и холодная, как и подобает жрице Весты, но молодой человек заметил, что она глазами указывает на Суллу. Юлий понял, что битва еще не закончилась, и диктатор не исчерпал весь запас подлостей.

– Все слышали, что эта уважаемая госпожа говорит нам о своем супружеском счастье, но я не вижу его, как, уверен, не видите и все вы. Разве счастье и цель брака – не рождение и воспитание детей? Но у Гая Юлия Цезаря до сих пор нет наследников, а ведь он уже три года женат.

– Боги не посылают мне ребенка, – тихо проговорила Корнелия.

– Нет, прекрасная госпожа, ты просто защищаешь своего,

так называемого, мужа, – со злорадством проговорил Сулла. – А ты ведь знаешь, что Гай Юлий Цезарь не способен к супружеской жизни. Он же безумец!

Теперь ропот удивления пробежал по залу. Даже невозмутимая ироничная Руфия с любопытством посмотрела на диктатора. Юлий побледнел и сжал кулаки, чувствуя свое полное бессилие перед властью этого человека, Аврелия испуганно застыла, не зная, что возразить на такое чудовищное и бесстыдное обвинение, глаза Корнелии затуманили слезы, весталки ждали продолжения речи диктатора. Сулла заговорил:

– Да вы посмотрите внимательно на этого человека. Разве нормальный мужчина так одевается?

Юлий, и в самом деле, любил нарядиться изысканно и даже вычурно. Вот и сегодня он был в короткой малиновой тунике с бахромой, которая доходила до запястий. Это была его любимая одежда, которую слуга простодушно и принес хозяину. Римляне обычно очень туго подпоясывали себя, Юлий же предпочитал носить пояс свободно и даже чуть приспущенным. Кроме того юноша очень заботился о своей внешности. Его лицо было всегда безукоризненно выбритым, тело надушенным, а волосы, волнистые от природы, красиво подстрижены и уложены. К сожалению, в этой опрятности Юлий не соблюдал меру, всего было слишком: слишком много кремов для тела, слишком много духов, слишком яркая, а подчас просто экстравагантная одежда.

И эти индивидуальные свойства характера Юлия Цезаря, в устах подлого оратора, сейчас стали весьма красноречивыми аргументами.

– Ты лжешь! – в отчаянии крикнул Цезарь, он с ужасом чувствовал, что битву неумолимо выигрывает Сулла.

Коссущия, хрупкая девочка-весталка 18-ти лет, поднялась со своего места. Сейчас она необычайно походила на Руфию, та же ирония, презрение и недостигаемость во всем облике.

– Неужели опрятный вид и яркое платье ныне считаются признаком безумия? – спросила с усмешкой Коссущия. – Ты говоришь пустое, диктатор. Если хочешь обвинить благородного патриция, потомка богов, потомка Энея и Анка Марция, то ищи убедительные доказательства. Нас не устроили твои аргументы, и потому мы снимаем с него обвинения в безумии.

Неведомая сила исходила от этой посвященной малышки, Сулла смутился под прямым взглядом светлых, но холодных и безжалостных глаз весталки.

– У него нет детей, – пробормотал диктатор.

– И это не доказывает сумасшествия обвиняемого, – покачала головой Коссущия. – Великая Веста стоит на страже брака, а мы имеем освященный богами союз двух любящих людей. Ни один из супругов не провинился перед своей половиной, не высказал претензий и пожеланий. Мы видим счастливую семейную пару, которая даже, если не породит детей, все равно станет образцом любви и взаимопонимания.

Мы не видим повода к принудительному разводу благородного Гая Юлия Цезаря с его женой, благородной Корнелией.

Весталки, слушая мудрую и смелую речь подруги, одобрительно зашептались и закивали головами. Корнелия с благодарностью посмотрела на Коссущию.

– Однако, если он не безумен, – не сдавался Сулла, – что смягчило бы его вину передо мной, то я вынужден признать, что ум Гая Юлия Цезаря преступен. Он пытался меня убить. Что скажешь на это, священная дева?

Коссущия хотела возразить диктатору, но ее опередил Юлий.

– Это клевета! – воскликнул молодой человек. – Я уже говорил, диктатор, ты сам нанес себе рану, а потом бросил нож к моим ногам, чтобы охранники поверили, будто это я напал на тебя.

– У тебя есть доказательства? – усмехнулся Сулла. – Нож, испачканный моей кровью, лежал возле тебя. И это подтвердит любой из моих слуг, которые тогда прибежали в мою комнату. Но кто подтвердит твои слова? Нет, несчастный юноша, ты совершил преступление, и пусть у меня нет доказательств, что ты сумасшедший, как нет убеждений, что ты имел преступный замысел, когда шел ко мне, но я утверждаю, ты буйный и невоздержанный, что несовместимо с твоей должностью секретаря верховного жреца Юпитера. Мой дружеский совет относительно твоего семейного счастья, который я, возможно, дал в несколько неосто-

рожной форме, пробудил в тебе зверя. Ты обезумел и бросился на меня с ножом. Я не казню тебя, не лишу имущества, но снимаю тебя с занимаемой должности. Человек, запятнавший себя преступлением, не может служить богу богов. Более того, пока все слухи, порожденные твоим арестом, не улягутся, я высылаю тебя из Рима. Такова моя воля диктатора и никаких оправданий и просьб я не желаю больше слышать.

Сулла повернулся и величественно покинул гостиную, весталки тоже удалились. Юлий остался с женой и матерью.

– Это Корнелия позвала Коссуцию сюда, – сказала Аврелия. – Она принесла пожертвования Руфии, и та согласилась взять Коссуцию в совет весталок. Корнелия знала, что Коссуция найдет нужные слова, чтобы спасти тебя от диктатора.

Юлий упал на колени перед супругой.

– Клянусь именем Юпитера, я возьму тебе все то, что ты отнесла в храм.

– Не надо, – ласково проговорила Корнелия, она помогла подняться внезапно ослабевшему Юлию. – Мне ничего не нужно. Лишь бы ты был жив и здоров.

– А теперь тебе надо уехать подальше, сынок, – сказала Аврелия.

– Я поеду с тобой, Юлий! – воскликнула Корнелия.

– Нет, – возразила Аврелия, – мой сын должен побыть один, чтобы отдохнуть от пережитых испытаний.

– Я не могу оставить Корнелию одну, – сказал Юлий. –

Сулла не оставит мою жену в покое.

– На страже твоего семейного счастья стоит Коссунция, – проговорила Аврелия. – Эта девочка и впрямь ведьма, она здорово напугала нашего диктатора. Чтобы не встретиться вновь с Коссунцией, Сулла будет обходить стороной наш дом. Но, если он все же попытается причинить нам зло, это сразу дойдет до весталок. И уж тут эта ехидна Руфия, презирающая все и всех, так ославит диктатора, что ему останется только броситься на свой меч. Ни о чем не волнуйся, сынок, сама Веста взяла под покровительство наш дом.

– Поезжай, мой свет, – сказала Корнелия, – нам теперь ничего не грозит.

– Смогу ли я когда—нибудь отблагодарить Коссунцию? – тихо проговорил Юлий.

– Она не нуждается в земных проявлениях чувств, – сказала Аврелия, – благодарность людей, их любовь или ненависть теперь не трогают эту деву. Коссунция стоит перед богиней и лишь ей служит и отвечает. Подумай лучше о себе. Мне кажется, тебе лучше поехать в Вифинию, где несколько лет назад жил твой отец. Царь Никомед, правитель Вифинии, очень тепло относился к нему.

– Пока отец был жив, весь мир был для меня полон радужных надежд, – печально вздохнул Юлий. – Его смерть опрокинула всю мою жизнь.

– Ты болен, сынок, – сказала мать, взглядываясь в измученное лицо сына. – Тебе необходим хороший отдых и забо-

та. Поезжай к Никомеду, он с радостью примет тебя.

– Да, я так и сделаю, – сказал Юлий.

Внезапно головная боль чудовищной силы сжала ему голову, в глазах потемнело, и он упал на пол.

– О, нет! – вскричала Аврелия, она бросилась к окну и увидела весталок, которые еще не успели покинуть особняк Юлиев. Торжественный выезд жриц требовал неторопливых сборов. Аврелия выбежала из дома и подбежала к носилкам Руфий.

– Помоги моему сыну! – воскликнула матрона. – Ты уже спасла однажды его! Юлий умирает! Что хочешь тебе дам!

– Мне ничего не нужно, – сказала верховная служительница Весты. – Подарки отнесешь в храм. Я тороплюсь на богослужение, поэтому пришлю одну из моих весталок, она превзошла меня в искусстве врачевания. Аманта Гортензия! – махнула рукой Руфия.

Коссудия уже сидела в носилках, но сразу же вышла из них и подошла к повелительнице.

– Молодой патриций, Гай Юлий Цезарь, заболел, – сказала главная весталка. – Осмотри его и, если боги еще не отказали ему в милостях, облегчи страдания.

Услышав о болезни Юлия, Коссудия вздрогнула, но сдержала себя, сохранив покорность и почтение.

– Ты оставляешь меня наедине с мужчиной, госпожа? – спросила Коссудия, поднимая свои лазурные глаза на Руфию.

– Оставляю, – улыбнулась весталка, – потому что уверена в твоём окончательном выборе. Ты не от людей, но от богов. Возвращайся же скорей, милая, – неожиданно ласково, как мать проговорила Руфия.

– Я немедленно же вернусь, – отозвалась Коссуция, и Аврелия тоже заметила теплоту в суровых глазах юной весталки.

Коссуция проследовала в дом за Аврелией. Юлия уже перенесли в его спальню. Осмотрев молодого человека, Коссуция сама быстро приготовила отвар из трав, что оказались при ней, напоила Юлию, растерла ему виски неизвестной ароматной мазью. Юлий очнулся.

– Коссуция, – прошептал молодой человек, едва он открыл глаза.

Коссуция взяла руку Юлия и некоторое время сосредоточенно изучала ладонь. Темное облачко пробежало по ясному челу девушки, она повернулась к стоящим рядом обеспокоенным Аврелии и Корнелии.

– Теперь молодому господину осталось только хорошо выспаться, и он будет совсем здоров, – проговорила весталка.

– Что со мной было? – спросил Юлий.

– Пока ничего страшного, лишь результат твоих зловещих заклинаний. — сказала Коссуция. – Но мне хотелось бы знать, не умер ли кто-нибудь из твоих родных от удара?

– Мой отец скончался от него, – проговорил растерянный Юлий.

– Что ж, Веста учит нас говорить правду, и я скажу ее тебе еще и потому, что желаю добра, – сказала Коссуция. – Ты ходишь по острию кинжала, господин. Если не будешь следить за своим здоровьем, то такие приступы повторятся еще не раз. Не утомляй ни свой ум, ни свое тело, избегай вина и тяжелой пищи, пусть твои врачи, хотя бы раз в месяц, делают тебе кровопускание и очищают желудок. Тогда ты проживешь долгую и счастливую жизнь. Я вижу, тебя ждет великое будущее. Линии твоей руки предсказывают власть и славу, будь же здоров и счастлив, благородный патриций, – Коссуция поднялась, собираясь уйти.

Юлий с тоской и мучением посмотрел на вновь покидающую его возлюбленную, ставшую лишь тенью его воспоминаний. Аврелия и Корнелия, оказывая почет и уважение, проводили молодую жрицу. Юлий уснул, но и во сне слезы текли из его глаз.

Утром, опустошенный душой и телом, он уехал из Рима.

ГЛАВА 9. СЛУЖБА В ВИФИНИИ

Вифиния. Здесь правил царь Никомед IV, эстет, интеллектуал, красавец. Гай Юлий Цезарь-старший был его другом, поэтому юношу при дворе приняли очень хорошо. Никомед окружил себя красивыми молодыми людьми, Юлий с его поэтическим даром сразу вошел в число самых избранных любимцев властителя. Задача придворной молодежи заключалась в том, чтобы развлекать царя. Одни расписывали для него залы дворца дивными фресками, другие ваяли статуи, кто-то придумывал новые изысканные танцы, Юлий услаждал правителя стихами.

Однажды царь и его фавориты совершали морскую прогулку. Внезапно на царский корабль напали пираты. Между охраной и разбойниками завязалась битва. Юлий тоже принимал участие в сражении. У молодого человека не было при себе оружия, поэтому он выхватил меч у какого-то раненого охранника и стал неумело, но очень яростно наносить удары нападавшим.

– Что ты делаешь, безумец? – крикнул Никомед. – Иди ко мне! Стража и без тебя управится!

Царь укрылся в недрах корабля, изнеженная молодежь, словно котят испуганно жалась к своему повелителю.

– За мной, друзья мои! – закричал Юлий. – Покажем этим плебейам, что значит благородная кровь!

Увлеченные примером товарища, молодые люди выбежали из убежища и, подняв мечи у павшей охраны, ринулись в битву. Почти никто из этих служителей муз не умел владеть оружием, но в их сердцах горел огонь юности и задора. Их стремительный напор обескуражил бандитов, пираты стали отступать. Разгоряченный сражением, Юлий бросился в воду.

– Не дадим шакалам бежать! – весело воскликнул он.

Скульпторы, танцоры, музыканты с боевым кличем, как на охоте, последовали за Юлием. В несколько минут они доплыли до разбойничьего корабля и взобрались на него. Бандиты осыпали смельчаков ударами камней и мечей. Все молодые люди уже были изранены, но, в пылу битвы, они не замечали своих ран. Попав на пиратский корабль, Юлий тут же всадил меч в первого попавшегося преступника, по счастью, им оказался главарь шайки. Лишившись своего руководителя, пираты растерялись. Тут на борт поднялись и уцелевшие царские охранники, фавориты и стража в несколько минут разоружили всю банду, а корабль, с веселыми песнями, доставили в порт Вифинии. Прибыв во дворец, Никомед поручил своих юных любимцев заботам врачей, и сам проследил, чтобы врачи, как следует, исполнили свой долг. Юлий, хоть и был первым, в этом сражении получил лишь незначительные раны: камень ушиб ему плечо, а чей-то меч оцарапал запястье. Вечером царь, в честь отважных молодых людей, устроил празднество.

Этот бой на короткое время прогнал печаль из сердца Юлия, но, когда все завершилось, юноша вновь ощутил равнодушие и пустоту, поселившуюся в его сердце. Юлия поздравляли как организатора победоносного сражения. Но молодой человек не испытывал радостей от оказываемых почестей. Веселое пиршество затянулось за полночь, Юлий незаметно покинул зал и вышел в сад. Луна и звезды царствовали над миром. Юноша забрался в мраморную беседку, печальные мысли терзали его сердце. Здесь-то и нашел его Никомед. Он сел рядом с любимцем.

– Почему ты так грустен, мой великий полководец и лучший из поэтов? – ласково спросил царь.

Юлий оторвался от своих грез и вскочил с места.

– Прости меня, великий царь, – смущенно проговорил молодой человек, склоняясь перед Никомедом, – я покинул праздник...

– И правильно сделал, – улыбнулся Никомед, – я и сам сбежал от этих болтунов. Садись же, дружок, давай вместе помечтаем тут.

Юлий сел на прежнее место.

– Что тебя гнетет, друг мой? – заботливо спросил правитель. – Я вижу, с каждым днем ты делаешься все печальнее. Еще в первый день, когда я увидел тебя, я прочитал в твоих глазах великое страдание, но не осмелился спросить о причинах его. Ты молод, но, я вижу, что уже так много пережил. Сегодня, когда ты ринулся в бой, мое сердце чуть не вырва-

лось из груди. Ведь ты искал смерти, бедный мальчик.

– Да, – тихо прошептал Юлий, – и я жалею, что не погиб. Жизнь стала непосильной ношей для меня.

– Расскажи мне все, как другу, как отцу, как брату, я верю, что смогу тебе помочь.

– Я проклят богами, – сказал чуть слышно Юлий, низко опуская голову. – Я сумасшедший.

– Но ты ошибаешься, друг мой! – воскликнул Никомед. – Кто-то сказал тебе ложь и вздор, в которую ты поверил! Если ты, мудрейший и храбрейший из всех людей, – а я повидал немало народу, – считаешь себя безумным, то кто же тогда действительно сумасшедший? Нет, тебя жестоко обманули или зло подшутили! Не верь в этот вздор, друг мой!

– К сожалению, это правда, – вздохнул Юлий. – У меня была невеста, прекраснейшее и добрейшее создание, которое когда—либо видел свет, настоящая нимфа. Но человеческое коварство разлучило нас. Она ушла служить Весте и отказалась от меня, а я так и не смог ее забыть. У меня есть жена, красивая, умная, благородная женщина. Всякий был бы счастлив и горд такой супругой, но меня преследует образ Коссуции, моей первой и единственной любви, и я не нахожу себе места от тоски и горя.

Никомед осторожно обнял юношу.

– Ты счастливейший из смертных, что познал и сохранил в своем сердце такую любовь. Это не безумие, а благословение богов. Любовь – величайший дар небожителей, кото-

рую они посылают только свои избранным. Редкий человек и за всю свою жизнь испытает подобные чувства. Брак, семья – это еще не любовь. Сколько несчастных живет под одной крышей, в скотской похоти плодят детей, и сходят в иной мир, так и не изведав любви. И пусть тебя разлучили с возлюбленной, ты видел, ты знаешь это божественное чувство. Поведай же мне об этой девушке.

Всю ночь юноша рассказывал Никомеду о Коссуции, о ее неземном облике, вспоминал улыбку, глаза, смех навсегда потерянной возлюбленной. Правитель не перебивал молодого человека, внимательно слушая возбужденную речь несчастного влюбленного. И лишь, когда первые лучи солнца коснулись листвы, Юлий опомнился.

– Великий царь, – воскликнул он, – я же отнял у тебя ночь! Прости меня!

Юноша встал на колени. Царь поднял молодого человека, на глазах Никомеда блестели слезы.

– Я счастлив, что ты открыл свое сердце мне, милый мальчик, – растроганно проговорил правитель. – Сила твоей любви воистину вдохновлена богами, а Коссуция – сама небожительница. Она – муза, раз смогла пробудить такие чувства.

Юлий ощутил, словно новые силы влились в его тело, исчезла гнетущая тоска из сердца, печаль сменилась радостью и светом.

– Да, Коссуция – муза, богиня, – прошептал он.

После этой ночи откровений правитель и его поэт почти

не разлучались. На охоте, прогулках, праздниках, заседаниях совета – они всегда были вместе. Юлий многому научился от мудрого царя, в делах юноша проявлял такой ум, что Никомед стал доверять своему любимцу ответственные поручения. Как представитель царя Вифинии, Юлий ездил в Киликию и Митилену, где улаживал проблемы Никомеда. В трудах и заботах прошли три года, и вот однажды Юлий получил письмо из дома, в котором Аврелия сообщала, что Сулла умер, его сторонники не пользуются популярностью, все же пострадавшие в период правления диктатора, наоборот, стали получать богатые подарки и новые должности. Аврелия настойчиво советовала Юлию вернуться. Трогательное письмо, полное заботы и грусти, написала и Корнелия. Она поддерживала Аврелию и с нетерпением ожидала возвращения горячо любимого мужа. Воспоминания об оставленной семье вызвали смятение в душе Юлия. С одной стороны ему не хотелось расставаться с Никомедом, с которым они очень сдружились, но с другой, – образ покинутой родины, образ прекрасной и тихой Корнелии, запрятанные глубоко в сердце, неумолимо манили юношу назад. Молнией промелькнула и мысль о Коссуции, которая, хоть и не с ним, но все же будет рядом. Юлий показал письмо царю.

– Я должен вернуться, – сказал молодой человек. – Жена и мать ждут меня. К тому же в Риме есть создание безмерно дорогое мне.

Никомед кивнул.

– Я понимаю тебя, мой мальчик, – сказал царь. – Если бы речь шла только о твоей семье, я бы всеми силами и средствами умолял тебя остаться, но тебя в Риме ждет та, кто выше всех людей и даже богов. Возвращайся к ней и будь счастлив своей, такой далекой, но такой прекрасной любовью, – Царь обнял друга.

Через несколько дней Юлий, нагруженный богатыми подарками и благодарственными грамотами от Никомеда IV, покинул Вифинию.

ГЛАВА 10. ПРЕДСКАЗАНИЕ КОССУЦИИ

Ничто не изменилось в вечном городе за время отсутствия Юлия. И все же молодому человеку показалось, что люди стали как-то веселее. Смерть тирана и самодура Суллы даже рабов заставила дышать свободнее.

Юлий ехал в нанятых носилках по улицам Рима. Возле храма Меркурия собралась толпа. Заинтересованный молодой человек приказал остановиться и приблизиться поближе. Откинув занавеску, Юлий пригляделся. На ступеньках стоял молодой оратор, который картинно двигал руками, откидывал голову, грациозно выставлял то одну, то другую ногу. Юлий прислушался.

– Граждане Рима, – звучным красивым голосом проговорил оратор, – мы понесли непоправимую потерю, умер великий Сулла...

– Сулла был вор и тиран! – крикнул кто-то из толпы.

– У покойного были недостатки, – не смутился оратор, – но устраивает ли вас нынешнее положение дел? Торговцы и комедианты проникли в благородный сенат. Гней Долабелла – вот спасение священного Рима.

Юлий усмехнулся и приказал идти дальше. Он был уже недалеко от дома, когда из-за угла ему навстречу вышла тор-

жественная процессия. Над головой внушительного строя охранников мерно покачивались открытые носилки, на них, гордо подняв голову и презрительно сощутив глаза, надменная и холодная, сидела совсем юная белокурая девушка. Все встречные люди почтительно кланялись этой бесстрастной богине.

– Коссуция, – узнал Юлий жрицу.

Юная весталка заметила молодого человека, но даже тень приветственной улыбки не скользнула по ее непроницаемому лицу. Эскорт служительницы Весты, не меняя четкого ритма шага, прошествовал мимо. Юлий продолжил свой путь, но встреча с Коссуцией, хоть он, в глубине сердца и жаждал ее увидеть, взволновала молодого человека. Юлий с ужасом осознал, что та милая живая девочка-нимфа для него навсегда потеряна. Коссуция-человек стала бесчувственным прекрасным совершенным идолом, Амантой Гортензией. В смятенных чувствах возвратился Юлий домой. Корнелия первая увидела его из окна. Она выбежала к супругу и порывисто обняла его.

– Наконец-то ты вернулся, любимый, – прошептала она.

Юлий нежно и покровительственно, словно сестру, обнял молодую супругу.

– Великие боги, ты все же вернулся, – бормотала она, покрывая лицо и шею мужа жаркими поцелуями. – Я каждый день молилась за тебя, чтобы ты был счастлив на чужбине, чтобы боги берегли тебя от всех бед.

– Твои молитвы были услышаны, моя милая, – улыбнулся Юлий. – Никомед оказался добрым повелителем и настоящим другом.

Аврелия, привлеченная шумом во дворе, уже выбежала из дома.

– Сыночек! – воскликнул она, подбегая к Юлию.

Она тоже принялась обнимать и целовать возвратившегося изгнанника. Мать и жена, плача от счастья, провели молодого человека в дом. Внутри особняка ничего не изменилось, словно Юлий и не покидал родные стены. Аврелия тут же распорядилась подавать лучшие блюда. Пока Юлий принимал ванну, рабы успели приготовить роскошный обед.

Во время трапезы Корнелия не могла налюбоваться на своего супруга, мать невольно робела под взглядом сына. Юлий очень возмужал и посерьезнел. Это был уже не своевольный упрямый юнец, но человек, познавший силу высокого положения в обществе.

– Что нового в славном Риме? – весело спросил Юлий, отпивая вино из чаши. – Хотя, едва ли найдется более значительная новость, чем смерть этого подлеца Суллы.

– Да, – кивнула Аврелия, – смерть Суллы наделала много шума. Поговаривали, что его отравили. Его конец был страшен и грязен. Тело диктатора все покрылось гноящимися язвами, источающими смрадный запах. Эти язвы были внутри и снаружи. Брр! Не могу повторять эти мерзости во время еды.

– И не надо, – засмеялся Юлий, – хотя мне и приятно послушать о гнусной смерти врага.

– А больше в городе ничего важного не произошло, – сказала Аврелия. – Сторонники покойного диктатора попрятались по углам, предпочитают вести себя тихо и лишний раз не привлекать к себе внимания.

– И все же один из них нанял какого-то витию. Я видел нового оратора возле храма Меркурия. Я не запомнил его имя, он активно выступал за приятеля Суллы.

– А, это бедняга Цицерон, – небрежно махнула рукой Аврелия. – Сулла оказывал покровительство этому юноше, а теперь, когда диктатора не стало, молодой человек готов служить, кому угодно, чтобы не умереть с голоду. Наверное, кто-то из дружков Суллы пригрел этого молодца. Ни один уважаемый оратор ныне не станет поддерживать опальных сенаторов.

После томной неги Вифинии Юлий медленно входил в ритм делового активного Рима. Ничто не изменилось в городе, но молодому человеку все казалось чужим. Юлий заново привыкал к жизни родины и... жене. За три года Корнелия очень изменилась, влюбленная девочка уступила место преданной рассудительной матроне. Корнелия была тиха, скромна, покорна, немногословна. Она почти не смеялась и даже улыбалась редко, оставаясь всегда задумчивой и печальной. Это смирение и покорность смущали Юлия. Молодой человек в замкнутости супруги ощущал укор себе. Он

чувствовал себя виноватым перед Корнелией. Ему хотелось порасспросить Корнелию о причинах перемен, произошедших в ней, но не знал, как подойти к беседе, что бы нечаянно не причинить огорчение жене. Как-то вечером они, по обыкновению, сидели в одной комнате, и, как это установилось после его возвращения, молчали. Корнелия бесшумно пряла у окна, Юлий просматривал счета и письма.

– Тебе понравились мои подарки, что я привез из Вифинии? – прервал тишину Юлий.

– Да, господин, – не поднимая головы от пряжи, ответила Корнелия. – Я очень благодарна за твою щедрость.

Корнелия вновь замолчала. Юлий больше не выдержал. Он отбросил пергаменты, подошел к жене и сел рядом с ней. Корнелия отложила пряжу, но по-прежнему не смотрела на супруга. Юлий взял женщину за руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.